

Жизнь Арсеньева

Книга первая.

I

«Вещи и дѣла, аще не написанныи бываютъ, тмою покрываются и гробу безпамятства предаются, написанныи же яко одушевленнии . . . »

Итакъ, что же такое моя жизнь и вообще «вещи и дѣла» человѣческія?

Я родился полвѣка тому назадъ, въ средней Россіи, въ деревнѣ, въ отцовской усадьбѣ.

У насъ нѣтъ чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мнѣ сказали, когда именно я родился. Если бы не сказали, я бы и понятія не имѣлъ о своемъ возрастѣ, — тѣмъ болѣе, что я еще совсѣмъ не ощущаю его бремени — и, значить, былъ бы избавленъ отъ нелѣпой мысли, что мнѣ будто бы полагается лѣтъ черезъ десять или двадцать умереть. А родись я и живи на необитаемомъ островѣ, я бы даже и о самомъ существованьи смерти не подозрѣвалъ. «Вотъ было бы счастье!» — хочется прибавить мнѣ. Но кто знаетъ? Можетъ быть, великое несчастье. Да и правда ли, что не подозрѣвалъ бы? Не рождаемся ли мы съ чувствомъ смерти? А если нѣтъ, если бы не подозрѣвалъ, любилъ ли бы я жизнь такъ, какъ люблю и любилъ? И отдалъ ли бы ее тому, чему отдалъ почти безъ остатка, — своему словесному ремеслу, то есть осознанію и одушевленію своихъ вещей и дѣлъ, стремленье къ которому проистекаетъ, можетъ быть, только изъ страха передъ гробомъ безпамятства?

О родѣ Арсеньевыхъ, о его происхожденіи мнѣ, конечно, толкомъ ничего не извѣстно. Что мы вообще знаемъ! Я знаю только то, что въ Гербовникѣ родъ нашъ отнесенъ къ тѣмъ, «происхожденіе коихъ теряется во мракѣ времени». Знаю еще, что родъ нашъ «знатный, но захудалый» и что я всю жизнь чувствовалъ эту знатность, гордясь и радуясь, что я не изъ тѣхъ, у кого нѣтъ ни рода, ни племени. Въ Духовъ день, памятуя, что «Святымъ Духомъ всякая душа живится», призываетъ Церковь за литургіей «сотворить память всѣмъ отъ вѣка умершимъ». Она возноситъ въ этотъ день прекрасную и полную глубокаго смысла молитву:

— Все рабы Твоя, Боже, упокой во дворѣхъ Твоихъ и въ нѣдрѣхъ Авраама, — отъ Адама даже до днесь послужившая Тебѣ чисто отцы и братіи наши, други и сродники!

Развѣ случайно сказано здѣсь о служеніи? И развѣ не радость чувствовать свою связь, соучастіе «съ отцы и братіи наши, други и сродники», нѣкогда совершавшими это служеніе? Исповѣдовали и наши древнѣйшіе пращуръ ученіе «о чистомъ, непрерывномъ Пути отца всего сущаго», переходящаго отъ смертныхъ родителей къ смертнымъ чадамъ жизнью безсмертной, «непрерывной», вѣру въ то, что это волей Агни заповѣдано блюсти чистоту, непрерывность крови, породы, дабы не былъ оскверненъ, то есть прерванъ, забытъ, преданъ безпамятству этотъ Путь, и что съ каждымъ рожденіемъ должна все болѣе очищаться кровь рождающихся и возрастать ихъ родство, близость съ Нимъ, единымъ отцомъ всего сущаго.

Среди моихъ предковъ было, вѣроятно, не мало и дурныхъ людей. Но все таки изъ поколѣнія въ поколѣніе наказывали мои предки другъ другу помнить и блюсти свою кровь, священнымъ долгомъ почитали внѣдрять и, какъ ни какъ, все таки внѣдряли въ душу другъ другу: будь достоинъ своего благородства, будь добрымъ сыномъ Церкви и отечества, служи на пользу имъ, держи

свое слово, свои обѣты, старайся быть правдивымъ, милосерднымъ, щедрымъ, самоотверженнымъ, въ битвѣ безстрашнымъ и честнымъ, въ любви и бракѣ чистымъ... И какъ передать тѣ чувства, съ которыми я смотрю порой на нашъ родовой гербъ? Рыцарскіе доспѣхи, латы и шлемъ съ страусовыми перьями. А подъ ними щитъ. И на лазурномъ полѣ его, въ серединѣ — перстень, эмблема вѣрности и вѣчности, къ которому сходятся сверху и снизу своими остріями три рапиры съ крестами-рукоятками...

Въ странѣ, замѣнившей мнѣ родину, много есть городовъ, подобныхъ тому, что далъ мнѣ пріютъ, нѣкогда славныхъ, а теперь заглохшихъ, бѣдныхъ, въ повседневности живущихъ очень мелкой жизнью. А все же надъ этой жизнью всегда — и не даромъ — царитъ какая-нибудь сѣрая башня временъ крестоносцевъ, громада собора съ безцѣннымъ порталомъ, вѣка охраняемымъ стражей святыхъ изваяній, и пѣтухъ на крестѣ, въ небесахъ, высокій Господній глашатай, зовущій къ небесному Граду...

II.

Младенчество мое безконечно далеко и смутно, я даже не вѣрю теперь, что оно когда-то было. А мое самое первое воспоминаніе того времени есть, конечно, нѣчто случайное, ничтожное, вызывающее недоумѣніе. Я помню большую, освѣщенную предъосеннимъ солнцемъ комнату, его сухой блескъ надъ косогоромъ, надъ сухимъ золотистымъ жнивьемъ, видимымъ въ окно, выходящее на югъ... Только и всего, только одно мгновенье! Почему именно въ этотъ день и часъ, именно въ эту минуту и по такому пустому поводу впервые въ жизни вспыхнуло мое сознание столь ярко, что уже явилась возможность дѣйствія памяти? И почему тотчасъ же послѣ этого снова надолго потухло оно?

Младенчество свое я всегда вспоминаю съ печалью. Каждое младенчество печально: скуденъ тихій міръ, въ которомъ грезитъ жизнью еще не совсѣмъ пробудившаяся для жизни, всѣмъ и всему еще чуждая, робкая и нѣжная душа. Обычно говорятъ: золотое дѣтство, счастливое время! Нѣтъ, это время несчастное, болѣзненно-чувствительное, жалкое. Сколько слезъ, обидъ, горестей изъ-за малѣйшей бездѣлицы!

Можетъ быть, мое младенчество было печальнымъ въ силу нѣкоторыхъ частныхъ условій? Въ самомъ дѣлѣ, вотъ хотя бы то, что росъ я въ великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди нихъ... Зимой безграничное снѣжное море, лѣтомъ — море хлѣбовъ, травъ и цвѣтовъ... И вѣчная тишина этихъ полей, ихъ загадочное и безотвѣтное молчаніе... Но грустить ли въ тишинѣ, въ глуши какой-нибудь сурокъ, жаворонокъ? Нѣтъ, они ни о чемъ не спрашиваютъ, ничему не дивятся, не чувствуютъ той сокровенной души, которая всегда чудится человѣческой душѣ въ мірѣ, окружающемъ ее, не знаютъ ни зова пространства, ни бѣга времени. А я уже и тогда зналъ все это, всѣмъ этимъ втайнѣ томился. Глубина лѣтняго вечерняго неба, задумчивая даль полей говорили мнѣ о чемъ то иномъ, какъ бы существующемъ помимо ихъ, вызывали мечту и тоску о чемъ-то мнѣ недостающемъ, трогали непонятной любовью и нѣжностью, неизвѣстно къ кому и чему...

Гдѣ были люди въ это время? Помѣстье наше называлось хуторомъ, — хуторъ Каменка, — главнымъ имѣніемъ нашимъ считалось задонское, куда отецъ уѣзжалъ часто и надолго, а на хуторѣ хозяйство было небольшое и дворня малочисленная. Но все же люди были, какая-то жизнь шла. Были собаки, лошади, овцы, коровы, работники, былъ кучеръ, староста, стряпуха, повариха, скотница, птичница.

нянька, мать и отецъ, гимназисты братья, сестра Оля, еще качавшаяся въ люлькѣ въ дѣтской . . . Но почему же остались въ моей памяти только минуты полного одиночества? Что, какъ сонъ, помню я? Вотъ вечерѣтъ прекрасный лѣтній день. Солнце уже за домомъ, за садомъ, пустой, широкой дворъ въ тѣни, а я (совсѣмъ, совсѣмъ одинъ въ мѣрѣ) лежу на его зеленой холодѣющей муравѣ, глядя въ бездонное синее небо, какъ въ чьи-то дивные и родные глаза, въ отчее лоно свое. Плыветъ и, круглясь, медленно мѣняется очертанія, таетъ въ этой вогнутой синей безднѣ высокое, высокое бѣлое облако . . . Ахъ, какъ все такъ разъединенъ я съ нимъ! Какая томящая красота! Състь бы на это облако и плыть, плыть на немъ въ этой жуткой высотѣ, въ поднебесномъ просторѣ, въ близости съ Богомъ и бѣлокрылыми ангелами, обитающими гдѣ-то тамъ, въ этомъ горнемъ мѣрѣ! — Вотъ я за усадьбой, въ полѣ. Вечеръ какъ будто все тотъ-же, только тутъ еще блеститъ и грѣетъ низкое солнце. Обернувшись, я вижу его надъ тѣми бесконечно-далекими западными полями, гдѣ на горизонтѣ чуть видно село Батурино, для меня еще невѣдомая, таинственныя мѣста, родина матери. А предо мной другая даль, уходящая къ югу, туда, гдѣ сливается съ небомъ и зоветъ, тянетъ куда-то что-то смутно-голубое, чуть-чуть сиреневое, подобное едва видимому морю. И я стою, смотрю, слушаю великую тишину, окружающую меня, чего-то жду, думаю о чемъ-то несказанно-прекрасномъ и грустномъ, что есть въ мѣрѣ и особенно тамъ, въ этой далекой дали. Полевая глухая дорога, на которой я стою, зарастаетъ сѣро-зеленой лебедой, женственно-смиренной блѣдно-розовой павиликой. Вокругъ меня, куда ни кинь взглядъ, колосистые ржи, овсы, пшеница, а въ нихъ, въ густой чащѣ склоненныхъ стеблей, — затаенная, настороженная жизнь перепеловъ. Сейчасъ они еще молчатъ да и все

молчить, только порой загудитъ, угрюмо зажужжить запутавшійся въ колосьяхъ хлѣбный рыжій жучокъ. Я освобождаю его и съ жадностью, съ удивленьемъ разглядываю: что это такое, кто онъ, этотъ рыжій жукъ, гдѣ онъ живетъ, куда и зачѣмъ летѣлъ, что онъ думаетъ и чувствуетъ? Онъ сердитъ, серьезень: возится въ моихъ пальцахъ, шуршитъ жесткими надкрыльями, изъ-подъ которыхъ выпущено что-то тончайшее, палевое, — и вдругъ щитки этихъ надкрылій раздѣляются, раскрываются, палевое тоже распускается, — и какъ изящно! — и жукъ подымается въ воздухъ, гудя уже съ удовольствіемъ, съ облегченіемъ, и навсегда покидаетъ меня, теряется въ небѣ, обогащая меня новымъ чувствомъ — оставляя во мнѣ грусть разлуки . . .

А не то вижу я себя въ домѣ и опять въ лѣтній вечеръ и опять въ одиночествѣ. Солнце скрылось за вечерній притихшій садъ, по верхушкамъ осыпанный его червонной пылью, покинуло пустой залъ, пустую гостиную, гдѣ оно радостно блистало весь день: теперь только послѣдній лучъ одиноко краснѣетъ въ углу на паркетѣ, межъ высокихъ ножекъ какого-то стариннаго столика, — и, Боже, какъ мучительна его безмолвная и печальная прелесть! А позднимъ вечеромъ, когда садъ уже чернѣлъ за окнами всей своей таинственной ночной чернотой, а я лежалъ въ темной спальнѣ въ своей дѣтской кроваткѣ, все глядѣла на меня въ окно, съ высоты, какая-то тихая звѣзда . . . Что надо было ей отъ меня? Что она мнѣ безъ словъ говорила, куда звала, о чемъ напоминала?

III.

Дѣтство стало понемногу связывать меня съ жизнью, и въ моихъ воспоминаніяхъ о немъ уже мелькаютъ нѣко-

торыя лица, нѣкоторыя картины усадебнаго быта, нѣкоторыя событія...

Изъ этихъ событій на первомъ мѣстѣ — въ смыслѣ времени, а можетъ быть, и значительности — стоитъ мое первое въ жизни путешествіе, самое далекое и самое необыкновенное изъ всѣхъ моихъ послѣдующихъ путешествій по морю и сушѣ. Отецъ съ матерью отправились въ ту заповѣдную страну, которая называлась городомъ, и взяли меня съ собой. Это тоже еще сонъ, безконечно давній, изъ котораго остались въ моей памяти тоже только нѣкоторыя отдѣльныя мгновенья; но зато какія мгновенья! Тутъ я впервые испыталъ сладость осуществляющейся мечты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страхъ, что она почему-нибудь не осуществится. Помню и до сихъ поръ, какъ я томился, стоя среди двора на солнечномъ припекѣ и глядя на тарантасъ, который уже выкатили изъ каретнаго сарая: да когда же наконецъ запрягутъ, когда кончатся всѣ эти приготовления къ отъѣзду? Помню даже небрежный и совершенно непонятный отвѣтъ кучера на мои приставанья: скоро ли мы выѣдемъ?

— Какъ скоро, такъ сейчасъ, — отвѣтилъ онъ.

Затѣмъ я помню то, что ѣхали мы цѣлую вѣчность, что полямъ, какимъ-то логамъ, лощинамъ, проселкамъ, перекресткамъ не было счета и что въ дорогѣ случилось вотъ что: въ одной лощинѣ, — а дѣло было уже къ вечеру и мѣста были очень глухія, — густо росъ дубовый кустарникъ, темнозеленый и кудрявый, и по ея противоположному скату пробирался среди кустарника «разбойникъ», съ топоромъ, засунутымъ за поясъ, — самый, можетъ быть, таинственный и страшный изъ всѣхъ мужиковъ, видѣнныхъ мной не только до той поры, но и вообще за всю мою жизнь. А подъ городомъ ярко ударили мнѣ въ глаза

какія-то великолѣпныя желтыя скалы, ихъ слоистыя обрывы, въ упоръ озаренныя предзакатнымъ солнцемъ... Какъ въѣхали мы въ самый городъ, мнѣ неизвѣстно, — должно быть, путешествіе такъ крѣпко одолѣло меня, что я заснулъ. Зато какой поразительный мигъ пережилъ я утромъ! Я висѣлъ надъ пропастью, въ узкомъ ущельи изъ огромныхъ, никогда мною не виданныхъ домовъ, и меня ослѣплялъ блескъ солнца, стеколь, вывѣсокъ, нарядность толпы, которой была залита улица внизу, а надо мной, вокругъ меня, на весь міръ разливался какой-то дивный музыкальный кавардакъ: звонъ, гулъ колоколовъ съ колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всѣмъ въ такомъ величіи, въ такой роскоши, какія и не снились римскому Петру и Павлу, и такой громадой, что уже никакъ не могла поразить меня впоследствии пирамида Хеопса.

Всего же поразительнѣе оказалась въ городѣ вакса. Бѣдное человѣческое сердце! Я ничуть не шучу: за всю мою жизнь не испыталъ я отъ вещей, видѣнныхъ мною на землѣ, — а я видѣлъ много, — такого восторга, такой радости, какъ на базарѣ въ этомъ городѣ, держа въ рукахъ коробочку ваксы. Круглая коробочка эта была изъ простого лыка, но что это было за лыко и съ какой несравненной художественной ловкостью была сдѣлана изъ него коробочка! А самая вакса! Черная, тугая, съ тусклымъ блескомъ и упоительнымъ спиртнымъ запахомъ! А потомъ были еще двѣ великихъ радости: мнѣ купили сапожки съ краснымъ сафьяновымъ ободкомъ на голенищахъ, про которые кучеръ опять сказалъ на весь вѣкъ запомнившееся мнѣ слово: «въ аккуратъ сапожки!» — и ременную плеточку съ свисткомъ въ рукояткѣ... Съ какимъ блаженнымъ чувствомъ, какъ сладострастно казался я и этого сафьяна, и этой уругой, гибкой ременной

плеточки? Дома, лежа въ своей кроваткѣ, я истинно замираль отъ счастья, что возлѣ нея стоятъ мои новые сапожки, а подъ подушкой спрятана плеточка. И завѣтная звѣзда глядѣла съ высоты въ окно спальни и говорила мнѣ: вотъ теперь уже все хорошо, лучшаго въ мѣрѣ нѣтъ и не надо!

Эта же поѣздка, впервые раскрывшая мнѣ радости земного бытія, дала мнѣ еще одно глубокое впечатлѣніе. Я испыталъ его на возвратномъ пути. Мы выѣхали изъ города въ предвечернее время, проѣхали длинную и широкую улицу, уже показавшуюся мнѣ очень бѣдной по сравненію съ той, гдѣ была наша гостиница и церковь Михаила Архангела, проѣхали какую-то обширную площадь, и передъ нами опять открылся вдали знакомый мѣръ — поля, ихъ деревенская простота и свобода. Путь нашъ лежалъ прямо на западъ, на закатное солнце, и вотъ вдругъ я увидѣлъ, что есть еще одинъ человѣкъ, который тоже пристально смотритъ на него и на эти поля: на самомъ выѣздѣ изъ города высился необыкновенно огромный и необыкновенно скучный желтый домъ, не имѣвшій совершенно ничего общаго ни съ однимъ изъ доселѣ видѣнныхъ мною домовъ,—въ немъ было великое множество мелкихъ оконъ и въ каждомъ окнѣ была желѣзная рѣшетка, онъ былъ окруженъ высокой каменной стѣной, а большія ворота въ этой стѣнѣ были наглухо заперты,—и стоялъ за рѣшеткой въ одномъ изъ этихъ оконъ человѣкъ въ кофтѣ изъ сѣраго сукна и въ такой же безкозыркѣ, съ блѣдно-желтымъ пухлымъ лицомъ, на которомъ выражалось нѣчто такое сложное и тяжкое, чего я еще тоже отроду не видывалъ на человѣческихъ лицахъ (и что, конечно, только теперь могу кое-какъ выразить словами): смѣшеніе глубочайшей тоски, скорби, тупой покорности и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то страстной и мрачной мечты, жаднаго вни-

манья къ этому уходящему солнцу . . . Конечно, мнѣ объяснили, какой это былъ домъ и кто былъ этотъ человѣкъ въ окнѣ съ рѣшеткой, это отъ отца и матери узналъ я о существованіи на свѣтѣ того особаго сорта людей, которые называются острожниками, каторжниками, ворами, убійцами. Но вѣдь слишкомъ скудно знаніе, приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь — есть другое, безконечно болѣе богатое, то, съ которымъ мы рождаемся. Для тѣхъ чувствъ, которыя возбудили во мнѣ рѣшетка и лицо этого человѣка, родительскихъ объясненій было слишкомъ мало: я самъ почувствовалъ, самъ угадалъ, при помощи своего собственнаго знанія, особенную, жуткую душу его. Страшенъ былъ мужикъ, пробиравшійся по дубовымъ кустарникамъ въ лощинѣ, съ топоромъ за подпояской. Но то былъ разбойникъ, — я ни минуты не сомнѣвался въ этомъ, — то было нѣчто очень страшное, но и чарующее, сказочное. Этотъ же острожникъ, эта рѣшетка . . .

Восторженные впечатлѣнья сперва заглушили тяжкое впечатлѣнье этой встрѣчи. А потомъ оно снова воскресло и живетъ во мнѣ даже и донинѣ . . .

IV.

Дальнѣйшія мои воспоминанія о моихъ первыхъ годахъ на землѣ болѣе обыденны и точны, хотя все такъ же скудно, случайны, разрознены: что, повторяю, мы знаемъ, что помнимъ, — мы, съ трудомъ вспоминающіе порой даже вчерашній день!

Дѣтская душа моя начинаетъ привыкать къ своей новой обители, находить въ ней много прелести уже радостной, видѣть красоту природы уже безъ боли, замѣчать

людей и испытывать къ нимъ разныя, болѣе или менѣе сознательныя чувства.

Миръ для меня все еще ограничивается усадьбой, домомъ, и, что до людей, вниманье мое привлекается больше всего самыми близкими. Вотъ я уже не только замѣтилъ и почувствовалъ отца, его родное существованіе, но и разглядѣлъ его, сильнаго, бодрого, безпечнаго, вспыльчиваго и временами даже страшнаго, но необыкновенно отходчиваго, въ общемъ очень добраго, великодушнаго, терпѣть не могшаго людей злыхъ, злопамятныхъ и чудесно непослѣдовательнаго, — зачастую бѣшено кричавшаго, что онъ кому-то чего-то во вѣки никогда не проститъ, а черезъ часъ махавшаго рукой и говорившаго: «А впрочемъ чортъ съ нимъ совсѣмъ!» Я сталъ интересоваться имъ и вотъ уже кое-что узналъ о немъ: то, что онъ никогда ничего не дѣлаетъ, — онъ, и правда, проводилъ свои дни въ той счастливой праздности, которая была столь обычна тогда не только для деревенскаго дворянскаго существованья, но и вообще для русскаго; что онъ всегда очень оживляется передъ обѣдомъ и веселъ за столомъ; что, проснувшись послѣ обѣда, онъ любитъ сидѣть у раскрытаго окна и пить очаровательно-шипящую и восхитительно-колющую въ носъ воду съ кислотой и содой и что онъ всегда внезапно ловитъ меня въ это время, сажаетъ на колѣни, тискаетъ и цѣлуетъ, а затѣмъ такъ же внезапно и ссаживаетъ, забываетъ, не любя ничего длительного... Я уже чувствовалъ къ нему не только расположенье, но временами и радостную нѣжность, онъ мнѣ уже нравился, отвѣчалъ мнѣ уже слагающимся вкусамъ своей отважной наружностью, прямою перемѣнчиваго характера, больше же всего, кажется, тѣмъ, что былъ онъ когда-то на войнѣ въ какомъ-то Севастополѣ, а теперь охотникъ, удивительный стрѣлокъ, — онъ попадалъ въ двугривенный, подброшен-

ный въ воздухъ, — и такъ хорошо, задушевно, а когда нужно, такъ ловко, подмывающе играетъ на гитарѣ пѣсни, особенно дворовыя, старинныя, счастливыхъ дѣдовскихъ времянь . . .

Замѣтилъ я наконецъ и няньку нашу, то есть осозналъ присутствіе въ домѣ, какую-то особую близость къ нашей дѣтской и нѣкоторыя особенности этой большой, статной и властной женщины, которая, хотя и называетъ себя постоянно нашей холопкой, есть на самомъ дѣлѣ членъ нашей семьи, а ссорится (и довольно часто) съ нашей матерью лишь потому, что это совершенно необходимо въ силу ихъ любви другъ къ другу и потребности послѣ ссоры черезъ нѣкоторое время заплакать и помириться. Братья были совсѣмъ не ровесники мнѣ, они жили тогда уже какой-то своей жизнью, пріѣзжая къ намъ на каникулы; я, вспоминая свое дѣтство, почти совсѣмъ не вижу ихъ, но зато у меня оказалось двѣ сестры, которыхъ я тоже наконецъ осозналъ и по разному, но одинаково тѣсно соединилъ съ своимъ существованьемъ: я нѣжно полюбилъ полненькую, смѣшливую синеглазую Надю, которая заняла свою очередь въ люлькѣ, и незамѣтно стала дѣлать всѣ свои игры и забавы, радости и горести, а порой и самыя сокровенныя мечты и думы съ черноглазой Олей, дѣвочкой горячеей, легко, какъ отецъ, вспыхивающей, но по существу тоже очень доброй, чувствительной, вскорѣ сдѣлавшейся моимъ вѣрнымъ другомъ. Что же до матери, то, конечно, я замѣтилъ и понялъ ее прежде всѣхъ. Мать была для меня совсѣмъ особымъ существомъ среди всѣхъ прочихъ, нераздѣльнымъ съ моимъ собственнымъ, и я замѣтилъ, почувствовалъ ее, вѣроятно, тогда же, когда и себя самого. А понялъ я въ ней то, что милѣе, прекраснѣй ея нѣтъ никого въ мірѣ . . . Да будетъ во вѣки благословенно ея безцѣнное и незабвенное имя!

Съ матерью связана самая горькая любовь всей моей жизни. Все и всё, кого любимъ мы, есть наша мука, пусть сладкая, радостная, но все же мука, — чего стоитъ одинъ этотъ вѣчный страхъ потери любимаго и сознание мимолетности всего земного! А я съ младенчества несъ великое бремя моей неизмѣнной любви къ ней, къ той, которая, давши мнѣ жизнь, поразила мою душу именно мукой, поразила тѣмъ болѣе, что въ силу любви, изъ коей состояла вся ея душа, была она и воплощенной печалью: сколько слезъ видѣлъ я ребенкомъ на ея глазахъ, сколько горестныхъ пѣсенъ слышалъ изъ ея устъ!

Въ далекой родной землѣ, одинокая, на вѣки всѣмъ міромъ забытая, да покоится она въ мирѣ и въ невѣдѣніи о всемъ, что пережито мною безъ нея. Навсегда завершена ея судьба. Завершена и того, съ кѣмъ великимъ таинствомъ любви и зачатій было соединено ея земное бытіе. Ужели до скончанія временъ не увижу я больше его бодрого лица, не услышу его громкаго голоса, не поцѣлую его сильной руки? И ужели та, чей безглазый черепъ, чьи сѣрыя кости лежатъ гдѣ-то тамъ, въ кладбищенской роцѣ захолустнаго русскаго города, на днѣ уже безымянной могилы, ужели это она, которая нѣкогда качала меня на рукахъ и пѣла о томъ, какъ «бѣжить въ степи молодой курьеръ и нестеть съ собой письмо-вѣсточку»?

Страшна, непостижима жизнь. «Пути Мои выше путей вашихъ и мысли Мои выше мыслей вашихъ».

V.

Такъ миновало мое младенческое одиночество. Помню: однажды осенней ночью я почему-то проснулся и увидалъ легкій и таинственный полусвѣтъ въ комнатѣ, а въ большое незавѣшенное окно — блѣдную и грустную осеннюю

луну, стоявшую высоко, высоко надъ пустымъ дворомъ усадьбы, такую грустную и исполненную такой неземной прелестью отъ своей грусти и своего одиночества, что и мое сердце сжати какія-то несказанно-сладкія и горестныя чувства, тѣ самыя какъ будто, что испытывала и она, эта осенняя блѣдная луна. Но я уже зналъ, помнилъ, что я не одинъ въ мірѣ, что я сплю въ отцовскомъ кабинетѣ, — я заплакалъ, я позвалъ, разбудилъ отца . . . Такъ постепенно входили въ мою жизнь и дѣлались ся неотдѣлимой частью люди, сперва свои, самые близкіе, а потомъ и прочіе — съ дворни и окрестныхъ деревень и селъ: Выселокъ, Новоселокъ, Рождества, Багурина . . .

Я уже замѣнилъ, что на свѣтѣ, помимо лѣта, есть еще осень, зима, весна, когда изъ дому можно выходить только изрѣдка. Однако я сперва не запоминалъ ихъ, — въ дѣтской душѣ остается больше всего яркое, солнечное, — и поэтому мнѣ теперь вспоминается, кромѣ этой осенней ночи, всего двѣ-три темныхъ картины, да и то потому, что были онѣ не совсѣмъ обычны: какой-то зимній вечеръ съ ужаснымъ и очаровательнымъ снѣжнымъ ураганомъ за стѣнами, — ужаснымъ потому, что всѣ говорили, что это всегда такъ бываетъ «на Сорокъ Мучениковъ», очаровательнымъ же по той причинѣ, что, чѣмъ ужаснѣе погрясалъ вѣтеръ стѣны, тѣмъ пріятнѣе было чувствовать себя за ихъ защитой, въ теплѣ, въ уютѣ; потомъ какое-то зимнее утро, когда случилось нѣчто дѣйствительно замѣчательное: проснувшись, мы увидали странный сумракъ въ домѣ, увидали, что со двора заститъ что то бѣлесое и невѣроятно громадное, поднявшееся выше дома, — и поняли, что это снѣга, которыми занесло насъ за ночь и отъ которыхъ работники откапывали насъ потомъ весь день; и наконецъ, какой-то мрачный апрѣльскій день, когда среди нашего двора внезапно появился человекъ въ одномъ сюртучкѣ, весь развѣвающийся и перекошенный отъ студенатаго вѣтра, который гналъ его, несчастнаго, кривоногаго, какъ-то жалко прихватившаго рукой картузь на голо-

вѣ, а другой неловко зажавшаго на груди этотъ сюртучекъ... Въ общемъ же, повторяю, раннее дѣтство представляется мнѣ только лѣтними днями, радость которыхъ я почти неизмѣнно дѣлилъ сперва съ Олей, а потомъ съ мужицкими ребятами изъ Выселокъ, деревушки въ нѣсколько дворовъ, находившейся за Проваломъ, въ верстѣ отъ насъ.

Бѣдная была эта радость, почти столь же бѣдная, какъ и та, что испыталъ я отъ ваксы, отъ плеточки. Всѣ человѣческія радости бѣдны, есть въ насъ кто-то, кто внушаетъ намъ порой горькую жалость къ самимъ себѣ. Но, быть можетъ, жалостиѣ всего наши дѣтскія, отроческія радости, мечты, надежды: вѣдь какъ невинно, какъ беззавѣтно довѣрчивы мы въ эти дни къ жизни! Вотъ я въ первый разъ и на такой невѣроятно короткій срокъ пришелъ на землю. А межъ тѣмъ какими радостями радовался я на утрѣ дней своихъ?

Край безъ исторіи, безъ всякихъ слѣдовъ былой жизни, какъ и вся почти безмѣрная родина наша. Ни горь, ни рѣкъ, ни озеръ, ни лѣсовъ, — только кустарники въ лощинахъ, кое-гдѣ перелѣски и лишь изрѣдка подобіе лѣса, какой нибудь Заказъ, Дубровка, а то все поля, поля, безпредѣльный океанъ хлѣбовъ. Это не степь, гдѣ на сотни верстъ уходитъ взглядъ въ голубыя дали, гдѣ пасутся овечьи отары въ десятки тысячъ головъ, гдѣ по часу ѣдешь по селу, по станицѣ, дивясь ихъ бѣлизнѣ, чистотѣ, многолюдству, богатству, вольному и веселому размаху жизни. Это только Подстепье, гдѣ поля волнисты, гдѣ все буераки да косогоры, неглубокіе луга, чаще всего каменисты, гдѣ деревушки и лапотные обитатели ихъ кажутся забытыми Богомъ, — такъ они неприхотливы, первобытно-просты, родственны своимъ лозинамъ и соломѣ. И вотъ я расту, познаю міръ и жизнь въ этомъ глухомъ и все же прекрасномъ краю, въ долгіе лѣтніе дни его. И, кажется, одна изъ самыхъ первыхъ картинъ той поры такова: жаркій полдень, бѣлыя облака плывутъ въ синемъ небѣ, дуетъ вѣ-

теръ, то теплый, то совсѣмъ горячій, несущій солнечный жаръ и ароматы нагрѣтыхъ хлѣбовъ и травъ, а тамъ, въ полѣ, за нашими старыми хлѣбными амбарами, — они такъ стары, что толстыя соломенные крыши ихъ сѣры и плотны на видъ, какъ камень, а бревенчатыя стѣны стали сизыми, — тамъ зной, блескъ, июньское богатство и роскошь свѣта, жизни и, отливая тусклымъ серебромъ, безъ конца бѣгутъ, бѣгутъ по косогорамъ волны неогляднаго, уже высокаго и густого ржаного моря. Онѣ лоснятся, переливаются и бѣгутъ, бѣгутъ, сами радуясь своей густотѣ, буйности, и бѣгутъ по нимъ тѣни облаковъ, и бѣжитъ гдѣ-то тамъ, по межамъ среди нихъ, «верховой казакъ, молодой курьеръ» . . .

Потомъ оказалось, что среди нашего двора, густо заросшаго кудрявой муравой, есть какое-то древнее каменное корыто, подъ которымъ можно прятаться другъ отъ друга, разувшись и бѣгая бѣлыми босыми ножками (которыя нравятся даже самому себѣ своей бѣлизной) по этой зеленой кудрявой муравѣ, сверху отъ солнца горячей, а ниже прохладной, въ общемъ же дающей истинное наслаждение. А подъ амбарами оказались кусты бѣлены, которой мы съ Олей однажды наѣлись такъ, что насъ отпаивали парнымъ молокомъ: ужъ очень дивно звенѣла у насъ голова, а въ душѣ и тѣлѣ было не только желанье, но и чувство полной возможности подняться на воздухъ и полетѣть куда угодно . . . Подъ амбарами же нашли мы и многочисленныя гнѣзда крупныхъ бархатно-черныхъ съ золотомъ шмелей, присутствіе которыхъ подъ землей мы угадывали по глухому, яростно-грозному жужжанію, припадая къ землѣ ухомъ, укусы которыхъ были нестерпимы по жгучести, а медъ жиже, но гораздо слаще пчелинаго. А сколько мы открыли горькихъ, но вполне съѣдобныхъ кореньевъ, сколько всякихъ сладкихъ стеблей и зеренъ на огородѣ, въ чащахъ сада, вокругъ риги, на гумнѣ, за людской избой, къ задней стѣнѣ которой вплотную подступали хлѣба и травы!

VI.

За людской избой и подъ стѣнами скотнаго двора росли громадныя лопухи, высокая крапива, — и «глухая», и жгучая, — пышныя малиновыя татарки въ колючихъ вѣнчикахъ, что-то раскидистое, блѣдно-зеленое, называемое козельчиками, и все это имѣло свой особый видъ, цвѣтъ, запахъ и вкусъ. Мальчишка подпасокъ, существованье котораго мы тоже наконецъ открыли, былъ необыкновенно интересенъ: посконная рубашонка и коротенькіе портченки были у него дыра на дырѣ, ноги, руки, лицо высушены, сожжены солнцемъ и лупились, губы болѣли, потому что вѣчно жевалъ онъ то кислую ржаную корку, то лопухи, то эти самыя козельчики, разѣдавшіе губы до настоящихъ язвъ, а острые глаза воровски бѣгали: вѣдь онъ хорошо понималъ всю преступность нашей дружбы съ нимъ и то, что онъ подбивалъ и насъ ѣсть Богъ знаетъ что. Но до чего сладка была эта преступная дружба и все его лохмотья, струпы, болячки и даже «цыпки», то есть та самая чесотка на рукахъ и ногахъ, изъ-за которой и запрещали намъ общаться съ нимъ! Какъ заманчиво было все то, что онъ намъ тайкомъ, отрывисто, поминутно оглядываясь, рассказывалъ! Кромѣ того онъ удивительно хлопалъ, стрѣлялъ, точно изъ пистолета, своимъ длиннымъ кнутомъ и бѣсовски хохоталъ, когда пробовали и мы хлопать, пребольно обжигая себя по ушамъ концомъ кнута. И это онъ первый пробудилъ во мнѣ, далъ смутно почувствовать что-то стыдное, жуткое: онъ много повѣдалъ мнѣ изъ своихъ наблюденій надъ скотиной, въ полѣ, въ стадѣ . . .

Но ужъ гдѣ было настоящее богатство всякой земляной снѣди, такъ это между скотнымъ дворомъ и конюшней, на огородахъ. Подражая подпаску, можно было запасться посоленной коркой чернаго хлѣба и ѣсть длинныя зеленыя стрѣлки лука съ сѣрыми зернистыми махорчиками на острияхъ, красную редиску, бѣлую рѣдьку, маленькіе,

еще шершавые и бугристые огурчики, которые такъ приятно было искать, шуруша подъ безконечными ползучими плетями, лежавшими на разсыпчатыхъ грядкахъ... На что намъ было все это, развѣ голодны мы были? Нѣтъ, конечно, но мы за этой трапезой, сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественнаго, изъ чего созданъ міръ. Помню: солнце пекло все горячѣ траву и каменное корыто на дворѣ, воздухъ все тяжелѣль, тускнѣль, облака сходились все медленнѣ и тѣснѣ и наконецъ стали подергиваться острымъ малиновымъ блескомъ, стали гдѣ-то, въ самой глубокой и звучной высотѣ своей, погромыхивать, а потомъ гремѣть, раскатываться гулкимъ гуломъ и раздражаться мощными ударами, да все полноувѣснѣ, величавѣй, великолѣпнѣ... О, какъ я уже чувствовалъ это божественное великолѣпіе міра и Бога, надъ нимъ царящаго и его создавшаго съ такой полнотой и силой вещественности! Былъ потомъ мракъ, огонь, ураганъ, обломный ливень съ трескучимъ градомъ, все и всюду металось, трепетало, казалось гибнущимъ, въ домѣ у насъ закрыли и завѣсили окна, зажгли страстную восковую свѣчу передъ черными иконами въ старыхъ серебряныхъ ризахъ, крестились и повторяли: «Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѣ!» Зато какое облегченье настало потомъ, когда все стихло, успокоилось, всей грудью вдыхая невыразимо-отрадную сырую свѣжесть пресыщенныхъ влагой полей, — когда въ домѣ опять распахнулись окна, и отецъ, сидя подъ окномъ кабинета и глядя на тучу, все еще закрывавшую солнце и черной стѣной стоявшую на востокъ, за огородомъ, послалъ меня выдернуть тамъ и принести ему рѣдку покрупнѣе! Мало было въ моей жизни мгновений, равныхъ тому, когда я летѣлъ туда по облитымъ водой бурьянамъ и, выдернувъ рѣдку, жадно куснулъ ея хвостъ вмѣстѣ съ синей густой грязью, облѣпившей его...

А затѣмъ, постепенно смѣлѣя, мы узнали скотный дворъ, конюшню, каретный сарай, гумно, Проваль, Высел-

ки. Миръ все расширялся, становился все вещественнѣй, но все же первое время не люди и не человѣческая жизнь, а растительная и животная больше всего влекли къ себѣ наше вниманье и все еще любимыми нашими мѣстами были тѣ, гдѣ людей не было, а часами — послѣполуденные, когда люди спали. Садъ былъ веселъ, зеленъ, но уже извѣстенъ намъ; въ немъ хороши были только дебри и чащи, птичьи гнѣзда (особенно если въ нихъ, въ этихъ чашечкахъ, сплетенныхъ изъ прутиковъ и усталыхъ чѣмъ-то мягкимъ и теплымъ, сидѣло и зоркимъ чернымъ зернышкомъ смотрѣло что-нибудь пестро окрашенное) да малинники, ягоды которыхъ были несравненно вкуснѣе тѣхъ, что мы ѣли съ молокомъ и съ сахаромъ послѣ обѣда. И вотъ — скотный дворъ, конюшни, каретный сарай, рига на гумнѣ, Проваль . . .

VII.

Всюду была своя прелесть!

На скотномъ дворѣ, весь день пустомъ, съ лѣнливой грубостью скрипѣли ворота, когда мы изъ всѣхъ своихъ силенокъ пріотворяли ихъ, и остро, мерзко, но неотразимо привлекательно воияло навозной жижей и свинными закутами . . .

Въ конюшнѣ жили своей особой, лошадиной жизнью, заключавшейся въ стояньи и звучномъ жеваньи сѣна и овса, лошади. Какъ и когда онѣ спали? Кучеръ говорилъ, что иногда онѣ тоже ложатся и спятъ. Но это было трудно, даже какъ-то жутко представить себѣ, — тяжело и неумѣло ложатся лошади. Это случалось, очевидно, рѣдко и въ какіе-то самые глухіе ночные часы, а обычно лошади стояли въ стойлахъ и весь день въ молоко размалывали на зубахъ овесъ, теребили и забирали въ мягкія губы сѣно, и были онѣ все красавицы, могучія, съ лоснящимися крупами, коснуться которыхъ было большое удовольствіе, съ жесткими хвостами до земли и женственными гривами, съ

крупными лиловыми глазами, которыми онъ порой грозно и дивно косили, напоминая намъ то страшное, что опять таки рассказывалъ кучеръ: что каждая лошадь имѣетъ въ году свой завѣтный день, день Флора и Лавра, когда она норовитъ убить человѣка въ отместку за свое рабство у него, за свою лошадиную жизнь, заключающуюся въ постоянномъ ожиданьи запряжки, въ исполненьи своего страннаго назначенья на свѣтъ — только возить, только бѣгать... Пахло и здѣсь тоже крѣпко и тоже навозомъ, но совсѣмъ не такъ, какъ на скотномъ дворѣ, потому что совсѣмъ другой навозъ тутъ былъ, и запахъ его мѣшался съ запахомъ самихъ лошадей, сбруи, гниющаго сѣна и еще чего-то, что присуще только конюшнѣ.

А въ каретномъ сараѣ стояли бѣговья дрожки, тарантасъ, старозавѣтный дѣдушкинъ возокъ, спаль на полу, на войлокѣ, противъ всегда раскрытыхъ воротъ кучеръ... И экипажи соединялись съ мечтами о далекихъ путешествіяхъ, въ задкѣ тарантаса былъ необыкновенно занятный и таинственный дорожный ящикъ, возокъ тянулъ къ себѣ своей старинной неуклюжестью и тайнымъ присутствіемъ чего-то оставшагося въ мірѣ отъ дѣдушки, былъ непохожъ ни на что теперешнее, а кучеръ, въ своихъ широкихъ вытертыхъ плисовыхъ шароварахъ, въ подкованныхъ сапогахъ и желтой рубахѣ, былъ человѣкомъ совсѣмъ отдѣльнымъ отъ всей прочей дворни, угрюмо сознающимъ свою отдѣльность и вѣчно спящимъ. Отчего онъ всегда спалъ? И отчего такъ любили конюшню ласточки? Непрестанно сновали онѣ черными стрѣлами взадъ и впередъ, то изъ конюшни въ голубой небесный просторъ, то опять въ ея ворота, подъ крышу, гдѣ лѣпили онѣ свои известковыя круглыя и твердыя гнѣздышки, страшно пріятныя своей твердостью, выпуклостью, искусствомъ лѣпки. Часто приходитъ теперь въ голову: «Вотъ умрешь и никогда не увидишь больше неба, деревьевъ, птицъ и еще многого, многого, къ чему такъ привыкъ, съ чѣмъ такъ сроднился и съ чѣмъ такъ жалко будетъ разставаться!» Что до ласточекъ,

то ихъ будетъ непремѣнно и очень жалко: какая это милая, ласковая, чистая красота, какое изящество, эти касаточки съ ихъ молніеноснымъ летомъ, съ розово - бѣлыми грудками, съ черно - синими головками и такими же черносиними, острыми, длинными, крестъ накрестъ складывающимися крылышками и неизмѣнно счастливымъ щебетаньемъ! Ворота были всегда открыты, кучеръ всегда спалъ — ничто не мѣшало забѣгать въ каретный сарай когда угодно, по часамъ слѣдить за этими щебетуньями, предаваться мечтѣ поймать какую нибудь изъ нихъ, садиться верхомъ на дрожки, залѣзть въ тарантасъ, въ возокъ и, подпрыгивая, ѣхать куда-нибудь далеко, далеко... Почему съ дѣтства тянетъ человѣка даль, ширь, глубина, высота, неизвѣстное, опасное, то, гдѣ можно размахнуться жизнью, даже потерять ее за что-нибудь или за кого-нибудь? Развѣ это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, «что Богъ далъ», только земля, только одна эта жизнь? Богъ, очевидно, далъ намъ гораздо больше. Вспоминая сказки, читанныя и слышанныя въ дѣтствѣ, до сихъ поръ чувствую, что самыми плѣнительными были въ нихъ слова о неизвѣстномъ и необычномъ. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ невѣдомомъ государствѣ, за тридевять земель... За горами, за долами, за синими морями... Царь-Дѣвица, Василиса Премудрая...»

А рига была плѣнительно-страшна своей сѣрой соломенной громадой, зловѣщей пустотой, обширностью, сумракомъ внутри и тѣмъ, что, если залѣзть туда, нырнуть подъ ворота, можно заслушаться, какъ шарить, шуршитъ по ней, носится вокругъ нея вѣтеръ; тамъ въ одномъ уголкѣ висѣла запыленная святая дощечка, но говорили, что все таки чортъ по ночамъ прилеталъ туда, и это соединенье — чертей и этой грозной для нихъ дощечки — внушало особенно-жуткія мысли (да внушаетъ и теперь). А Проваль былъ дальше, за ригой, за гумномъ, за обвалившимся овиномъ, за просынымъ полемъ. Это была небольшая, но очень глубокая лощина, съ обрывистыми скатами и зна-

менитымъ «проваломъ» на днѣ, которое заростало высочайшимъ бурьяномъ и серебристо-сѣдыми верболозами. Это было для меня самое глухое изъ всѣхъ глухихъ мѣстъ на свѣтѣ. Предвечернее солнце стояло высоко, всюду было еще жарко, а тамъ была уже тѣнь, уже свѣжѣло, пахло холодѣющей травой. И какая благословенная и сладостно-сиротливая тишина стояла всегда тамъ! Казалось, сидѣлъ бы въ этой лощинѣ весь вѣкъ, кого-то любя и кого-то жалѣя. Какой прелестный и по виду, и по имени цвѣтокъ цвѣлъ въ густой и высокой травѣ на ея скатахъ, — малиновый Богородичный Цвѣтокъ съ коричневымъ липкимъ стеблемъ! И какъ горестно-нѣжно звенѣла въ бурьянѣ своей коротенькой пѣсенкой овсянка! Тю - тю - тю - тю-ю . . .

Никогда ужъ больше не видать мнѣ этой лощины и не слушать овсянки. И уже всѣ, съ кѣмъ я начиналъ, а впоследствии дѣлилъ жизнь, или навѣки исчезли изъ міра, или гдѣ-то тамъ, за тысячи верстъ отъ меня, разъединенные другъ съ другомъ и уже никому, даже и другъ другу не нужные, доживаютъ свои послѣдніе, жалкіе дни . . . Гдѣ теперь хоть этотъ поднасокъ, гдѣ кучеръ? Гдѣ тѣ, что были нашими первыми друзьями на жизненномъ пути, босонгими, пахнущими курной избой, живоглазыми мальчишками изъ Выселокъ?

VIII.

Затѣмъ дѣтская жизнь моя становится обыденнѣе и разнообразнѣе. Я все больше замѣчаю бытъ усадьбы, все чаще бѣгаю въ Выселки, былъ уже въ Рождествѣ, въ Новоселкахъ, у бабушки въ Батуринѣ, на хуторѣ князя, нашего родственника, живущаго совѣмъ по мужицки . . .

Въ усадьбѣ рано утромъ, на восходѣ солнца, съ первымъ вѣстаньемъ птицъ въ саду, верхушки котораго уже золотятся, просыпается отецъ. Совершенно убѣжденный, что всѣ должны просыпаться вмѣстѣ съ нимъ, онъ громко

кашляеть, хлопаетъ дверьми, быстро и тяжело, сотрясая половицы, проходить по дому, громко кричить: «Дашка, самоваръ!» Просыпаемся и мы, съ радостью отъ солнечнаго утра, — другихъ, повторяю, я все еще не хочу или не могу замѣчать, — съ нетерпѣливымъ желаньемъ поскорѣе бѣжать въ вишенникъ, рвать наши любимыя вишни, — наклеванныя птицами и подпеченныя солнцемъ, — искать на старыхъ, корявыхъ вишневыхъ деревьяхъ, сдирать съ нихъ и жѣсть тугой и прозрачный вишневый клей; иногда утро такъ тихо, свѣжо, что изъ Рождества музыкально доносится благовѣсть, дающій поэтическое чувство росистыхъ полей, за которыми скрыто Рождество, его близости и вмѣстѣ съ тѣмъ отдаленности, Божьяго благословенья, сходящаго на то скромное и благое, что должно быть и снова будетъ нынче, въ должной преемственности мирныхъ сельскихъ дней. А на скотномъ дворѣ, по утреннему, ново, скрипятъ въ это время ворота, оттуда съ ревомъ, визгомъ, хлопаньемъ кнутовъ, выгоняють на сочный утренній кормъ коровъ, свиней, сѣро-кудрявую, плотную, волнующуюся отару овецъ, гонятъ поить на полевой прудъ лошадей, и отъ топота ихъ сильнаго, дружнаго табуна гудитъ земля, межъ тѣмъ какъ въ людской избѣ и бѣлой кухнѣ уже пылаеть оранжевый огонь въ печахъ и начинается горячая работа стряпухъ, смотрѣть и обонять которую лѣзутъ подъ окна и на пороги собаки, часто съ визгомъ отъ нихъ отскакивающія . . . Послѣ чая отецъ иногда ѣдетъ со мной на бѣговыхъ дрожкахъ въ поле, гдѣ, смотря по времени, или напугать, то есть идутъ и идутъ, качаясь, оступаясь въ мягкой бороздѣ, приноравливая къ натуживающейся лошади и себя, и тяжело скрипящую соху, на подвои которой лѣзутъ сырые пласты земли, разутые, безъ шапокъ, лохматые мужики, или вынальзываютъ то просо, то картошки несмѣтныя дѣвки, радующія своей пестротой, бойкостью, смѣхомъ, пѣснями, или на зноѣ косятъ, со свистомъ, размашисто, присѣдая и раскорячиваясь, валяютъ густую стѣну жаркой желтой ржи косцы съ почернѣвши-

ми отъ пота спинами, съ растегнутыми воротами, съ ремешками вокругъ головы, — все сильный, отборный народъ, среди котораго всегда есть свои знаменитости, — а слѣдомъ за ними работаютъ граблями и, сгибаясь, наклоняясь, борются съ колкими головастыми снопами, пахнущими разогрѣтой на солнцѣ золотой ржаной соломой, мнутъ ихъ колѣномъ и туго вяжутъ подоткнутыя бабы, чаще всего почему-то беременныя . . . Какой это непередаваемо-очаровательный звукъ, — звукъ натачиваемой косы, по блестящему лезвию которой то съ одной, то съ другой стороны ловко мелькаетъ шершавая отъ песку, обмокнутая въ воду лопаточка! Всегда есть косецъ, который непременно восхититъ — расскажетъ, что онъ чуть-чуть не скопилъ цѣлое перепелиное гнѣздо, чуть-чуть не поймалъ перепелку, пополамъ перехватилъ змѣю. А про бабъ я уже знаю, что иногда онѣ жнутъ и ночью, если ночь лунная, — днемъ слишкомъ сухо, сыплется зерно, — и чувствую поэтическую прелесть этой ночной работы, завидую имъ . . .

Много ли такихъ дней помню я? Конечно, очень мало, утро, которое представляется мнѣ теперь, складывается изъ отрывочныхъ, разновременныхъ картинъ, мелькающихъ въ моей памяти. Полдень я вижу, кажется, одинъ, но зато необыкновенно радостный: жаркое солнце, волнующіе кухонные запахи, бодрое предвкушенье уже готоваго обѣда у всѣхъ возвращающихся съ поля, — у отца, у загорѣлаго, съ кудрявой рыжей бородой старосты, крупно и валко ѣдущаго на потномъ иноходцѣ подъ высокимъ казацкимъ сѣдломъ, у работниковъ, косившихъ съ косцами и теперь въѣзжающихъ во дворъ на возу подкошенной вмѣстѣ съ цвѣтами на межахъ травы, на которой лежатъ сверкающія косы, и у тѣхъ, что пригнали съ пруда выкупанныхъ, зеркально блестящихъ лошадей, съ темныхъ хвостовъ и гривъ которыхъ струится вода . . . Съ радостью и грустью, съ болью думаю теперь, какъ много было подобныхъ полдней. Въ такой полдень видѣлъ я однажды брата Николая, тоже на возу, на травѣ съ цвѣтами, пріѣхав-

шаго съ поля съ Сашкой, дѣвкой изъ Новоселокъ. Я уже что-то слышалъ о нихъ на дворнѣ, — что-то непонятное, но почему-то запавшее мнѣ въ сердце. И теперь, увидавъ ихъ вдвоемъ на возу, вдругъ съ тайнымъ восторгомъ почувствовалъ ихъ красоту, юность, счастье. Она, высокая, худощавая, еще совсѣмъ почти дѣвочка, тонколикая, милостивая, сидѣла съ кувшиномъ въ рукѣ, отвернувшись отъ брата, свѣсивъ съ воза босыя ноги, опустивъ рѣсницы; онъ, въ бѣломъ картузѣ, въ легкой батистовой косовороткѣ, съ растегнутымъ воротомъ, загорѣлый, чистый, юный, держалъ вожжи, а самъ смотрѣлъ на нее сіяющими глазами, что-то говорилъ ей, радостно, любовно улыбаясь . . .

IX.

Помню еще двѣ-три поѣздки къ обѣднѣ, въ Рождество.

Тутъ, конечно, все необычайно, празднично: рябой кучеръ, въ желтой шелковой рубахѣ и плисовой безрукавкѣ, на козлахъ тарантаса, запряженнаго тройкой; отецъ съ нѣжнымъ, свѣже-выбритымъ подбородкомъ и по городскому одѣтый, въ дворянскомъ картузѣ съ краснымъ околышемъ, изъ подъ котораго еще мокро чернѣютъ по старинному, косицами начесанные отъ висковъ къ бровямъ волосы; тяжело и пышно наряженная нянька; мать въ какомъ-то красивомъ, легкомъ платьѣ со множествомъ оборокъ; я, намаженный, въ шелковой рубашечкѣ, съ праздничной напряженностью въ душѣ и тѣлѣ . . . Мать входитъ въ тарантасъ со страхомъ, — ей всегда казалось, что лошади гдѣ-то подъ гору понесутъ, — отецъ же особенно увѣренно, командиромъ, говоря почему то даже сурово, нахмуриваясь:

— Ну, съ Богомъ!

Въ полѣ уже душно, жарко, дорога среди высокихъ и недвижныхъ хлѣбовъ узка и мѣстами пылитъ, но это-то и хорошо, это-то и есть поѣздка къ обѣднѣ, равно какъ и

чувство своего превосходства, барства, когда кучеръ обгоняетъ мужиковъ и бабъ, тоже наряженныхъ и тоже ѣдущихъ къ празднику. Въ селѣ это чувство еще живѣе и смѣшивается съ замираньемъ сердца отъ спуска съ необыкновенно крутой каменистой горы и съ новизной, богатствомъ впечатлѣній: въ селѣ мужицкіе дворы все большіе, зажиточные, съ древними дубами на гумнахъ, съ пасѣками, съ привѣтливыми, но независимыми хозяевами, рослыми, крупными однодворцами, а подъ горой извивается въ тѣни высокихъ лозинъ, усѣянныхъ орущими грачами, глубокая черная рѣчка, особенно, по рѣчному, прохладно пахнущая и этими лозинами, и сыростью низины, на которой онѣ растутъ, и какъ будто рыбой. Въ селѣ, на противоположной горѣ, на которую поднимаешься, переѣхавъ каменный затонувшій въ свѣтлыхъ струяхъ мостъ, на выгонѣ передъ церковью — цвѣтистое многолюдство: дѣвки, бабы, гнутые, гробовые старики въ чистыхъ свиткахъ и шляпахъ-черепеникахъ; а въ церкви тѣснота, теплая, пахучая жара отъ этой тѣсноты, отъ пылающихъ свѣчей, отъ солнца, льющагося въ куполь, и опять чувство тайной гордости: мы впереди всѣхъ, мы такъ хорошо, умѣло и чинно молимся, священникъ послѣ обѣдни подаетъ намъ цѣловать пахнущій мѣдью крестъ прежде всѣхъ и кланяется почти подобоострастно, — только мать скромна, растрогана, со слезами умиленья на глазахъ. Во дворѣ старика Данилы, ласковаго и гнутаго лѣшаго съ сивыми кудрями, въ длинной рубахѣ, съ коричневой шеей, похожей на потрескавшуюся пробку, мы послѣ обѣдни отдыхали, пили чай съ теплыми лепешками и медомъ, горой наваленнымъ въ деревянную миску, и мнѣ на всю жизнь запомнилось, — оскорбило! — что онъ однажды взялъ прямо своими черными негнуцимися пальцами огромный кусокъ текущаго, тающаго янтарнаго сота и положилъ мнѣ въ ротъ...

Я уже зналъ, что мы стали бѣдные, что отецъ много «промоталъ» въ крымскую кампанію, много проигралъ,

когда жилъ въ Тамбовѣ, что онъ безпечень, безпорядочень въ хозяйствѣ, что онъ давно «послалъ къ чорту» знакомство съ богатыми сосѣдями и часто, понапрасну стараясь напугать себя, говоритъ, что у насъ вотъ-вотъ и послѣднее затрещитъ съ молотка; зналъ, что задонское имѣнье уже «затрещало», что у насъ уже нѣтъ его; однако у меня отъ тѣхъ дней все таки сохранилось чувство довольства и благополучія. И я помню веселые обѣденные часы нашего дома, обиліе жирныхъ и сытныхъ блюдъ, зелень, блескъ и тѣнь сада за раскрытыми окнами, много прислуги, много гончихъ и борзыхъ собакъ, лѣзущихъ въ домъ, въ растворенныя двери, много мухъ и великолѣпныхъ бабочекъ . . . Помню, какъ сладко спала вся усадьба въ долгое послѣобѣденное время, а въ предвечернее, цѣлыми тазами варили въ саду варенье . . . Я въ это время чаще всего убѣгалъ въ Выселки, къ своимъ Оедькамъ и Сенькамъ, и оттуда, вмѣстѣ съ ними, или въ Дубнякъ, — корявый лѣсокъ въ дощинѣ возлѣ Выселокъ, всегда сухой и солнечный, съ блестящими сквозь стволы прудами, въ которыхъ мы купались, — или въ поле, на пары, гдѣ стерегли нашу и мужицкую скотину два хрипучихъ, злыхъ старика и нѣсколько веселыхъ пастушатъ. Но я помню и вечернія прогулки съ братьями, которые уже стали брать меня съ собой, ихъ юношескіе восторженные разговоры . . . Помню какую-то дивную лунную ночь, то, какъ неизъяснимо прекрасенъ, легокъ, свѣтлъ былъ подъ луной южный небосклонъ, какъ мерцали въ лунной небесной высотѣ рѣдкія лазурныя звѣзды, и братья говорили, что все это — міры, намъ невѣдомые и, можетъ быть, счастливые, прекрасныя, что, вѣроятно, и мы тамъ будемъ когда-нибудь . . . Одно изъ нихъ уже давно нѣтъ въ живыхъ, и гдѣ-то онъ теперь? А отецъ спалъ иногда въ такія noci не въ домѣ, а на телѣгѣ подъ окнами, на дворѣ: наваливали на телѣгу сѣна, на сѣнѣ стелили постель. Мнѣ казалось, что ему тепло спать отъ луннаго свѣта, льющагося на него и золотомъ сіяющаго на стеклахъ оконъ, что это высшее счастье спать

вотъ такъ и всю ночь чувствовать сквозь сонъ этотъ свѣтъ, миръ и красоту деревенской ночи, родныхъ окрестныхъ полей, родной усадьбы . . .

Только одно событіе омрачило эту счастливую пору, событіе страшное и огромное. Я хорошо помню необыкновенное впечатлѣнье, которое оно произвело на меня, но, безъ всякаго сомнѣнія, тайное воздѣйствіе его на мою душу было стократъ сильнѣе и значительнѣе того, что я помню. Случилось вотъ что. Однажды вечеромъ во весь опоръ влетѣли во дворъ усадьбы пастушата, гнавшіе съ поля рабочихъ лошадей, и крикнули, что Сенька на всемъ скаку сорвался вмѣстѣ съ лошадыю въ Проваль, на дно Провала, въ тѣ страшныя заросли, гдѣ, какъ говорили, было нѣчто вродѣ илистой воронки въ преисподнюю. Работники, братья, отецъ, всѣ кинулись туда, спасать, вытаскивать, и усадьба замерла въ страхѣ, въ ожиданіи: спасутъ-ли? Но сѣло солнце, стало темнѣть, стемнѣло — вѣстей «оттуда» все не было, а когда онѣ пришли, все притихло и поникло еще болѣе: оба погибли — и Сенька, и лошадь, которая упала на него и задавила его своей тяжестью, барахтаясь, борясь за жизнь, а на послѣдокъ и сама задохнулась . . . Помню страшныя слова: надо немедленно дать знать становому, послать стеречь «мертвое тѣло» . . . Почему такъ страшны были они, эти совершенно для меня новыя, даже не совсѣмъ понятныя слова? Значитъ, я ихъ уже зналъ когда-то? А если такъ, откуда же было мое великое недоумѣніе: что это такое, — то ненужное и ужасное, что произошло въ мірѣ?

Х.

Это дивило, этому не хотѣлось и нельзя было вѣрить. Въ этой столь неожиданной, негаданной, нелѣпо-случайной гибели ребенка вмѣстѣ съ большой, тяжелой лошадыю было что-то не въ мѣру безобразное. Но думаю, что и вся-

кую другую, простую смерть, о которой мнѣ пришлось бы узнать въ ту пору, я запомнилъ бы навѣки.

Люди совсѣмъ не одинаково чувствительны къ смерти. Въ жизни большинства она играетъ все таки небольшую роль. Зато есть разрядъ людей, которые весь вѣкъ живутъ подъ ея знакомъ, съ младенчества имѣютъ обостренное чувство смерти (чаще всего въ силу столь же обостренного чувства жизни). Протопопъ Аввакумъ, рассказывая о своемъ дѣтствѣ, говоритъ: «Азъ же нѣкогда видѣхъ у со-сѣда скотину умершу и, той ноши возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть . . . » Такъ вотъ къ подобнымъ людямъ принадлежу и я.

Твердо не могу сказать, но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, полагаю, что я съ особенной чувствительностью слушалъ въ младенствѣ о темныхъ и нечистыхъ силахъ, сущихъ въ мірѣ, и о «покойникахъ, отчасти сродныхъ этимъ силамъ. Я слышалъ, какъ говорили о «покойномъ» дядѣ, о «покойномъ» дѣдушкѣ, о «покойной» красавицѣ-бабушкѣ, умершей въ молодости (и тѣмъ весьма нарушавшей мои представленія о бабушкахъ). Я постоянно слышалъ о томъ, что покойники находятся гдѣ-то «на томъ свѣтѣ», то есть въ какомъ-то очень странномъ мѣстѣ, слышалъ отъ матери зловѣщіе отрывки изъ балладъ Жуковского; и, слушая, пріобрѣталъ какія-то непріятныя и недоумѣнные впечатлѣнія, боязнь темныхъ комнатъ, чердака, глухихъ ночныхъ часовъ, чертей и привидѣній, иначе говоря, все тѣхъ-же покойниковъ, оживающихъ и бродящихъ по ночамъ.

Когда и какъ пріобрѣлъ я вѣру въ Бога, понятіе о Немъ, ощущеніе Его? Думаю, что вмѣстѣ съ понятіемъ о смерти. Смерть, увы, была какъ-то соединена съ Нимъ (и съ лампадкой, съ черными иконами въ серебряныхъ и вызолоченыхъ ризахъ въ спальнѣ матери). Соединено съ Нимъ было, конечно, и безсмертіе. Богъ въ небѣ, въ непостижимой высотѣ и силѣ, въ томъ непонятномъ синемъ,

что вверху, надъ нами, далеко отъ земли и царствуетъ надъ нею: это вошло въ меня съ самыхъ первыхъ дней моихъ, равно какъ и то, что, не взирая на смерть, у каждого изъ насъ есть душа и что душа эта безсмертна, находится гдѣ-то въ груди и отлетаетъ отъ насъ въ нашъ смертный срокъ на небо, на землѣ же имѣетъ надежнаго и вѣрнаго стража въ дивномъ и прелестномъ образѣ Ангела Хранителя, присутствіе котораго возлѣ себя я чувствовалъ въ тѣ годы такъ живо и съ такой пѣчностью и благодарностью. Но все же смерть оставалась смертью, и я уже зналъ и даже порой со страхомъ чувствовалъ, что на землѣ всѣ должны умереть — вообще еще очень не скоро, но въ частности въ любое время, особенно же наканунѣ Великаго Поста. У насъ въ домѣ, позднимъ вечеромъ, всѣ вдругъ дѣлались тогда кроткими, смиренно кланялись другъ другу, прося другъ у друга прощенья: всѣ какъ-бы разлучались другъ съ другомъ, думая и боясь, какъ бы и впрямь не оказалась эта ночь нашей послѣдней ночью на землѣ. Думалъ такъ и я и всегда ложился въ постель съ тяжелымъ сердцемъ передъ могущимъ быть въ эту роковую ночь Страшнымъ Судомъ, грознымъ Вторымъ Пришествіемъ и, что хуже всего, «возстаніемъ всѣхъ мертвыхъ». А потомъ начинался Великій постъ, — цѣлыхъ шесть недѣль отказа отъ жизни, отъ всѣхъ ея радостей. А тамъ — Страстная недѣля, когда умиралъ даже Самъ Спаситель...

На Страстной, среди предпраздничныхъ хлопотъ, всѣ, хотя и предвкушали грядущую радость, тоже грустили и сугубо постились, говѣли, — даже отецъ тщетно старался грустить и говѣть, — и я уже зналъ, что въ пятницу поставятъ предъ алтаремъ въ рождественской церкви то, что называется плащаницей и что такъ страшно описывали мифъ, въ ту пору еще никогда не видѣвшему ея, мать и нянька. Въ Чистый четвергъ, когда даже воронъ кунаетъ на ранней утренней зарѣ на краю прорубей или колодцевъ своихъ черныхъ воронять, -- картина, которую я мысленно видѣлъ

очень живо, — въ церкви исповѣдывались и причащались, обрѣтая тѣмъ на нѣкоторое время почти неземную чистоту; но мысль о плащаницѣ, объ этомъ черномъ образѣ смерти, все болѣе и болѣе угнетала меня. Къ вечеру Великой субботы домъ нашъ свѣтился предѣльной чистотой, какъ внутренней, такъ и внѣшней, благостной и счастливой, тихо ждущей въ своемъ благообразіи Христова праздника, Христова пречистаго посѣщенья. И вотъ праздникъ наступалъ, — ночью съ Субботы на Воскресенье въ мірѣ совершался нѣкій дивный переломъ, Христось побѣждалъ смерть и торжествовалъ надъ нею. Къ заутренѣ насъ не возили, но все же мы просыпались съ чувствомъ этого благодѣтельнаго перелома, такъ что, казалось бы, дальше не должно было быть мѣста никакой печали. Однако она даже и тутъ была, даже въ Пасхѣ. Вечеромъ въ тихихъ и розовыхъ весеннихъ поляхъ слышалось отдаленное, но все приближавшееся и все повторявшееся съ радостной настойчивостью: «Христось воскресе изъ мертвыхъ» — и черезъ нѣкоторое время показывались «Христоносцы», молодые мужики безъ шапокъ и въ бѣлыхъ подпояскахъ, высоко несшіе огромный крестъ, и дѣвки въ бѣлыхъ платкахъ, которыя несли въ чистыхъ полотенцахъ церковныя иконы. Они шли съ торжествующимъ пѣніемъ, входили во дворъ и наконецъ, дойдя до крыльца, радостно и взволнованно, съ сознаньемъ честь честью завершеннаго дѣла, замолкали, затѣмъ братски, какъ равные съ равными, цѣловались со всѣми нами мягкими и теплыми, очень пріятными молодыми губами и осторожно вносили крестъ и иконы въ домъ, въ залъ, гдѣ въ тонкомъ полусвѣтѣ весенней зари мерцала въ главномъ углу лампадка, и ставили иконы на сдвинутые подъ лампадку столы, на новыя красивыя скатерти, а крестъ на стулъ, въ мѣру съ рожью. Какъ прекрасно было все это! Но, увы, было и грустно и жутко немного. Все было хорошо, успокоительно, лампадка въ весеннемъ чуть зеленѣющемъ сумракѣ горѣла такъ нѣжно, миротворно. А все таки было во всемъ этомъ и что-то

церковное, Божественное и потому опять соединенное съ чувствомъ смерти, печали. И не разъ видалъ я съ какимъ горестнымъ восторгомъ молилась въ этотъ уголь мать, оставшись одна въ залѣ и опустившись на колѣни передъ лампадкой, крестомъ и иконами . . . О чемъ скорбѣла она? И о чемъ вообще всю жизнь, даже и тогда, когда, казалось, не было на то никакой причины, горевала она, часами молилась по ночамъ, плакала порой въ самые прекрасные лѣтніе дни, сидя у окна и глядя въ поле? «Молодой курьеръ» несъ ей милую вѣсточку отъ любимаго сына, а она плакала . . . О чемъ? О томъ, что душа ея полна любви ко всему и ко всѣмъ и особенно къ намъ, ея близкимъ, роднымъ и кровнымъ, и о томъ, что все проходитъ и пройдетъ навсегда и безъ возврата, что въ мірѣ есть разлуки, болѣзни, горести, несбыточныя мечты, неосуществимыя надежды, невыразимыя или невыраженныя, нераздѣленныя чувства — и смерть . . .

Все это я говорю затѣмъ, чтобы сказать, что не Сенька, конечно, далъ мнѣ первое понятіе о смерти. Я и до Сеньки зналъ и въ извѣстной мѣрѣ чувствовалъ ее. Однако это благодаря ему почувствовалъ я ее въ первый разъ въ жизни по настоящему, почувствовалъ ея вещественность, то, что она наконецъ коснулась и насъ. Я впервые ощутилъ тогда, что она порой находитъ на мірѣ истинно какъ туча на солнце, вдругъ обезцѣнивая всѣ наши «дѣла и вещи», лишая насъ интереса къ нимъ, чувства законности и смысла ихъ существованія, все покрывая печалью и скукой. Она въ тотъ памятный вечеръ возстала изъ-за гумна, изъ-за риги, со стороны Провала. И долго, долго чудилось мнѣ потомъ что-то очень темное, тяжкое и даже какъ будто гадкое въ той сторонѣ, и все, о чемъ бы я ни думалъ, чтобы я ни видѣлъ, связывалось у меня съ Сенькой. Я томился безплодными вопросами: что случилось съ нимъ послѣ того, какъ его задавило, и что онъ теперь такое, и почему именно въ этотъ вечеръ погибъ онъ? Я безсильно

грустилъ, что онъ не увидить вмѣстѣ съ вами вновь наступающей осени . . .

Но дни шли, Сенька понемногу забывался и наконецъ совсѣмъ забылся, — безслѣдно и навсегда, какъ казалось тогда. И жизнь моя все продолжала обогащаться и шириться.

XI.

Дни шли, слагались въ недѣли, мѣсяцы, осень смѣняла лѣто, зима осень, весна зиму . . . Но что могу я сказать о нихъ? Я только знаю, что все это было, а помню опять таки очень небольшое, — лишь кой-какія частности, иногда весьма значительныя, иногда мелкія, запомнившіяся неизвѣстно почему, да нѣчто общее: то, что незамѣтно вступилъ я въ жизнь уже сознательную и что эти годы дали мнѣ рѣзко разнородныя впечатлѣнья: много свѣтлыхъ, но много и очень темныхъ, пронзительныхъ, жестокихъ.

Помню: однажды, вбѣжавъ въ спальню матери, я вдругъ увидалъ себя въ небольшое трюмо въ овальной рамѣ ореховаго дерева, стоявшее напротивъ двери, — и на минуту загнулся: на меня съ удивленьемъ и даже нѣкоторымъ страхомъ глядѣлъ уже довольно высокій, стройный и худощавый мальчикъ въ коричневой косовороткѣ, въ черныхъ люстриновыхъ шароварахъ, въ обшарпанныхъ, но ловкихъ козловыхъ саножкахъ. Много разъ, конечно, видалъ я себя въ зеркалѣ и раньше и не запоминалъ этого, не обращалъ на это вниманья. Почему же обратилъ теперь? Очевидно, потому, что былъ удивленъ и даже слегка испуганъ той переменной, которая съ какихъ то поръ, — можетъ быть, за одно лѣто, какъ это часто бываетъ, — произошла во мнѣ и которую я наконецъ внезапно открылъ. Не знаю точно, когда, въ какое время года это случилось и сколько мнѣ было тогда лѣтъ. Полагаю, что случилось осенью, судя по тому, что, помнится, загаръ мальчика въ зеркалѣ былъ блѣдный, такой, когда онъ сходитъ,

выцвѣтаетъ, и что быть я, должно быть, лѣтъ семи, а болѣе точно знаю только то, что мальчикъ мнѣ понравился своей стройностью, красиво выюномися и выгорѣвшими на солнцѣ волосами, пріятнымъ и живымъ выраженьемъ лица — и что произошло нѣсколько испуганное удивленье. Въ силу чего? Очевидно, въ силу того, что я вдругъ увидалъ (какъ посторонній) свою привлекательность, — въ этомъ открытіи было, неизвѣстно почему, даже что-то грустное, — свой уже довольно высокій ростъ, свою худощавость и свое живое, осмысленное выраженье: внезапно увидалъ, однимъ словомъ, что я уже не ребенокъ, смутно почувствовать, что въ жизни моей наступилъ какой-то переломъ и, можетъ быть, къ худшему . . .

И такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Преимущественное запоминаніе только однихъ счастливыхъ часовъ приблизительно съ тѣхъ поръ кончилось, — что уже само по себѣ означало, конечно, не малое, — и совпало это съ нѣкоторыми опять совсѣмъ новыми и дѣйствительно нелегкими познаніями, мыслями и чувствами, пріобрѣтенными мною на землѣ. Я вскорѣ послѣ того узналъ одного замѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка, вошедшаго въ мою жизнь, и началъ съ нимъ свое ученье. Я перенесъ первую тяжелую болѣзнь. Пережилъ смерть Нади, потомъ смерть бабушки . . . И многое, многое другое

XII.

Человѣкъ въ сюртукѣ, неожиданно появившійся однажды на нашемъ дворѣ въ ледяной и несчастный весенній день, появился у насъ снова, — когда именно, не помню, но появился. И оказался этотъ человѣкъ дѣйствительно несчастнымъ человѣкомъ, только совсѣмъ особаго рода, то есть не просто несчастнымъ, а создавшимъ свое несчастье своей собственной волей, жаждавшимъ его и переносившимъ не только съ какой-то почти свирѣпой бодростью, но даже съ наслажденьемъ, — оказался, словомъ,

принадлежащимъ къ тому ужасному разряду русскихъ людей, который я, разумѣется, понялъ какъ слѣдуетъ только впоследствии, въ годы зрѣлости. Звали его Баскаковымъ, онъ происходилъ изъ богатой и родовитой семьи, былъ уменъ, талантливъ и, слѣдовательно, могъ жить не хуже, если не лучше, многихъ. Однако не даромъ былъ онъ худъ, сутулъ, горбоносъ, темнолицъ «точно чортъ», какъ говорили про него: характеръ у него былъ сумасшедшій, бѣшенный, онъ, еще будучи лицеистомъ, съ проклятіями бѣжалъ изъ дому послѣ какой-то ссоры съ отцемъ, затѣмъ, когда умеръ отецъ, такъ взбѣсился на брата при раздѣлѣ наслѣдства, что въ клочки порвалъ раздѣльный актъ, плюнулъ брату въ лицо, крикнувъ, что онъ, «когда такое дѣло», знать не желаетъ никакого дѣла съ такимъ мерзавцемъ, не беретъ на свою долю ни гроша, и опять и уже навсегда крѣпко хлопнулъ дверью родного дома. Съ тѣхъ поръ и началась его скитальческая жизнь: ни на одномъ мѣстѣ, ни въ одномъ домѣ онъ не могъ ужиться даже нѣсколько мѣсяцевъ. Не ужился онъ и у насъ сначала: вскорѣ послѣ его перваго появленія на нашемъ дворѣ они съ отцемъ чуть не порѣзались кинжалами. Но на второй разъ случилось чудо: Баскаковъ черезъ нѣкоторое время заявилъ, что останется у насъ навѣки, — и прожилъ у насъ нѣлыхъ три года, до моего поступленія въ гимназію. Онъ даже признался, что, относясь вообще къ людямъ только съ презрѣньемъ и ненавистью, онъ горячо полюбилъ всѣхъ насъ, особенно меня. Онъ сталъ моимъ воспитателемъ и учителемъ, и черезъ нѣкоторое время горячо привязался и я къ нему, что и было источникомъ многихъ очень сложныхъ и сильныхъ чувствъ, испытанныхъ мною въ близости съ нимъ.

Повышенная впечатлительность, унаслѣдованная мной не только отъ отца, отъ матери, но и отъ дѣдовъ, прадедовъ, тѣхъ весьма и весьма своеобразныхъ людей, изъ которыхъ когда-то состояло русское просвѣщенное общество, была у меня отъ рожденія. Баскаковъ чрезвычайно по-

могъ ея развитію и, разумѣется, больше всего невольно. Какъ воспитатель и учитель въ обычномъ значеніи этихъ словъ, онъ былъ никуда не годенъ. Онъ очень быстро выучилъ меня писать и читать по русскому переводу Донъ-Кихота, случайно оказавшемуся у насъ въ домѣ среди прочихъ случайныхъ книгъ, а что дѣлать дальше, точно не зналъ, да и не очень интересовался знать. Съ матерью, съ которой, кстати сказать, онъ держался всегда почтительно и тонко, онъ чаще всего говорилъ по французски. Мать посовѣтовала ему выучить меня читать и на этомъ языкѣ. Онъ и это выполнилъ скоро и съ большой охотой, но дальше опять не пошелъ: заказалъ купить въ городѣ кое-какіе учебники, которые я долженъ былъ пройти, чтобы попасть въ первый классъ гимназіи, и сталъ просто засаживать меня учить ихъ наизусть. И вышло такъ, что его большое воздѣйствіе на меня сказалось совсѣмъ въ другомъ. Онъ вообще жилъ очень замкнуто и дико. Онъ иногда бывалъ необыкновенно веселъ, милъ, любезенъ, разговорчивъ, остроуменъ, даже блестящъ, неистощимъ на мастерскіе рассказы. Но большей частью былъ онъ какъ то ѣдко молчаливъ, все что-то думалъ, ядовито усмѣхаясь, зло бормоча и безъ конца поспѣшно шагая, мѣрно и быстро раскачиваясь на своихъ худыхъ, тонкихъ и кривыхъ ногахъ по дому, по двору. Въ это время всякую попытку заговорить съ нимъ онъ обрывалъ или короткой желчной любезностью или просто дерзостью. Но и въ это время онъ совершенно преображался, завидя меня. Онъ тотчасъ же слѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу, цѣловалъ меня въ голову, обнималъ за плечо и уводилъ въ поле, въ садъ или усаживался со мной въ укромномъ уголкѣ въ домѣ и начиналъ что-нибудь рассказывать, что-нибудь читать вслухъ, поселяя во мнѣ самыя противоположныя чувства и представленія.

Рассказывалъ онъ, повторяю, превосходно — всегда съ увлеченіемъ, точно и живо, изображая все въ лицахъ, въ жестахъ, быстрыхъ перемѣнахъ голоса. Можно было за-

слушаться его и тогда, когда онъ читалъ, всегда, по своему обыкновенію, прищутивъ лѣвый глазъ, держа въ лѣвой рукѣ и далеко отставивъ отъ себя книгу. А та противоположность чувствъ и представленій, которую онъ поселялъ во мнѣ, происходила изъ того, что для своихъ рассказовъ онъ чаще всего избиралъ, совсѣмъ не считаясь съ моимъ возрастомъ, все, кажется, наиболее горькое и ѣдкое изъ пережитаго имъ, свидѣтельствующее о людской низости и жестокости, а для чтенія — что-нибудь героическое, возвышенное, говорящее о прекрасныхъ и благородныхъ страстяхъ человѣческой души, и я, слушая его, то горѣлъ отъ негодованья къ людямъ и отъ мучительной нѣжности къ нему самому, столько отъ нихъ страдавшему, то млѣлъ, замиралъ отъ радостныхъ волненій. Глаза у него были рачьи, близорукіе и всегда красные, какіе-то огненно-каріе, выраженье лица поражало своей напряженностью. И всегда, когда онъ ходилъ или, вѣришь, бѣгалъ, развѣвались его сухіе съ просѣдью волосы и полы неизмѣннаго сюртука, чрезвычайно старомоднаго. «Не желая никому быть въ тягость», — у него было помѣшательство на этомъ, — онъ курилъ (и безпрестанно) только махорку, спалъ лѣтомъ въ амбарѣ, а зимой въ лакейской, давно упраздненной за отсутствіемъ лакевъ, а что до пищи, то, кажется, былъ твердо убѣжденъ, что это сущій предрасудокъ, будто люди должны питаться: за столомъ его интересовала только водка да горчица съ уксусомъ. Всѣ истинно дивились, чѣмъ только живъ онъ . . .

Онъ рассказывалъ мнѣ о томъ, какія случались у него въ жизни жестокия столкновенья «съ негодями», о Москвѣ, гдѣ онъ когда-то учился, о дремучихъ, медвѣжьихъ лѣсахъ за Волгой, гдѣ онъ одно время долго скитался. Онъ читалъ со мной Донъ-Кихота, Одиссею, русскія былины и сказки, Гоголя, который особенно поразилъ меня «Страшной мезью», журналъ «Всемирный путешественникъ», какую-то книгу подъ названьемъ «Земля и люди», Робинзона . . . Онъ рисовалъ акварелью — и надолго плѣнилъ

меня страстной мечтой стать живописцемъ. Я долгое время весь дрожалъ при одномъ взглядѣ на ящикъ съ красками, пачкалъ бумагу съ утра до вечера, часами простаивалъ, глядя на цвѣты, на солнечный свѣтъ и тѣни, на ту дивную, переходящую въ лиловое, синеву неба, которая сквозитъ въ жаркій день противъ солнца въ верхушкахъ деревьевъ, какъ бы купающихся въ этой синевѣ, — и навсегда проникся глубочайшимъ чувствомъ и сознаниемъ истинно-божественнаго смысла и значенія земныхъ и небесныхъ красокъ. Подводя итоги того, что дала мнѣ жизнь, я вижу, что это одинъ изъ важнѣйшихъ итоговъ. Эту лиловую синеву, налитую, сквозящую въ вѣтвяхъ и листьяхъ, я и умирая вспомню . . .

Впрочемъ, вспомню, вѣрно, и многое другое, пережитое мною въ то время.

ХІІІ.

Въ кабинетѣ отца висѣлъ на стѣнѣ старый охотничій кинжалъ. Я видѣлъ, какъ отецъ иногда вытаскивалъ изъ ноженъ его бѣлый клинокъ и отъ скуки теръ его полой венгерки. Потомъ я и самъ дѣлалъ то же самое. Какой сладострастный восторгъ охватывалъ меня тогда при одномъ прикосновеніи къ этой гладкой, холодной, острой стали! Мнѣ хотѣлось поцѣловать, прижать ее къ сердцу — и затѣмъ во что нибудь вонзить, всадить по рукоятку. Отцовская бритва тоже была сталь и еще острѣе, да я почти не замѣчалъ ее. А вотъ при видѣ всякаго стального оружія я до сихъ поръ волнуюсь — и откуда они у меня, эти чувства? Я былъ въ дѣтствѣ добръ, нѣженъ и однако съ истиннымъ упоеніемъ зарѣзалъ однажды молодого грача съ перебитымъ крыломъ. Помню, дворъ былъ пустъ, въ домѣ почему-то было тоже пусто и тихо, и вотъ я внезапно увидѣлъ большую и очень черную птицу, которая куда-то спѣшила, бокомъ, неловко, распутивъ повисшее крыло, прыгала по травѣ по направленію къ амбарамъ. Я

кинулся въ кабинетъ, схватилъ кинжалъ, выскочилъ въ окно . . . Грачъ, когда я настигъ его, вдругъ замеръ, съ ужасомъ въ дикомъ блестящемъ глазу откинулся въ сторону, прижался къ землѣ, весь яростно нахохлился и, широко раскрывъ и поднявъ клювъ, ощерясь, зашипѣлъ, захрипѣлъ отъ злобы, рѣшивъ драться со мной, видимо, не на животъ, а на смерть . . . Убійство, впервые въ жизни содѣянное мною тогда, оказалось для меня цѣлымъ событіемъ, я нѣсколько дней послѣ того ходилъ самъ не свой, втайнѣ моля не только Бога, но и весь міръ простить мнѣ мой великій и подлый грѣхъ ради моихъ великихъ душевныхъ мукъ. Но вѣдь я все таки зарѣзалъ этого несчастнаго грача, отчаянно борющагося со мной, въ кровь изодравшаго мнѣ руки, и зарѣзалъ съ страшнымъ уюбольствіемъ!

А сколько разъ лазилъ я съ Баскаковымъ на чердакъ, гдѣ, по преданіямъ, будто бы валялась какая-то дѣдовская или прадѣдовская сабля? Карабкались мы туда по очень крутой лѣстницѣ, въ полутьмѣ, согнувшись. Такъ же пробирались и дальше, шагая черезъ балки, матицы, груды мусора и пыса, то есть золы, назола. Было по чердачному тепло и душно, пахло остывшимъ дымомъ, сажей, печами. Въ мірѣ было небо, солнце, просторъ, а тутъ — сумракъ и что-то задавленное, скучное, дремотное. Полевой вѣтеръ вольно шумѣлъ вокругъ насъ по крышѣ, а сюда его шумъ доходилъ глухо, превращаясь въ какой-то иной, колдовской, зловѣщій . . . Сумракъ понемногу рѣдѣлъ, мы обходили кирпичный боровъ и шею трубы и при свѣтѣ, падавшемъ изъ слухового окна, безъ конца шатались взадъ и впередъ, заглядывали подъ балки, подъ косо лежавшія надъ ними пыльные стропила, рыли золу, то сѣрую, то фіолетовую, въ зависимости отъ мѣста, отъ освѣщенія . . . Если бъ нашлась эта сказочная сабля! Я бы, кажется, задохнулся отъ счастья! А межъ тѣмъ на что она мнѣ была? Откуда взялась моя страстная и безцѣльная любовь къ ней?

Впрочемъ, вѣдь и все въ мірѣ было безцѣльно, неизвѣстно зачѣмъ существовало, и я уже чувствовалъ это.

Уставъ отъ безплодныхъ поисковъ, мы отдыхали. Станный человѣкъ, дѣлившій ихъ со мной, человѣкъ, зачѣмъ-то до тла разорившій свою жизнь и безцѣльно мотавшій ее по свѣту, единственный, кто понималъ мои безцѣльныя мечты и страсти, садился на матицу, крутилъ цыгарку и, думая свое, что-то злорадно бормоталъ себѣ подъ носъ, а я стоялъ, глядѣлъ въ слуховое окно. Теперь на чердакѣ было совсѣмъ почти свѣтло, особенно возлѣ окна, и шумъ вѣтра не казался въ немъ такимъ зловѣщимъ. Но все же мы были тутъ сами по себѣ, а усадьба сама по себѣ, и я представлялъ ее себѣ, ея мирно текущую жизнь, какъ посторонній. Въ конюшни все такъ же, какъ и прежде, шептались ласточки, хотя кучеръ уже не спалъ тамъ и лошадей стояло всего три, — мы все больше бѣднѣли, даже порой закладывали въ городѣ ризы съ иконъ... Работники были въ полѣ, пахали, двоили пары... Кухарка кормила возлѣ порога людской избы цыплятъ... Корыто посреди двора, уже забытое нами, заростало травой... Оля играла въ дѣтской съ Надей... Мать и нянька что-нибудь работали, сидя въ дѣтской возлѣ раскрытаго окна... Отецъ былъ въ отъѣздѣ, гостилъ и охотился въ имѣньи какого-то Василія Петровича подѣ Воронежомъ, старшій братъ, проводившій свои каникулы съ нами, лежалъ подѣ яблоней въ саду и читалъ какого-то Герцена, а Николай, совсѣмъ бросившій гимназію, былъ вѣрно въ Новоселкахъ, у Сашки, или у своихъ пріятелей, новосельскихъ ребятъ... И я смутно думалъ (вѣрнѣе чувствовалъ):

— Все это я люблю, все это немного грустно почему-то, но все таки очень хорошо, только къ чему все это, зачѣмъ?

Прямо подо мной, въ солнечномъ свѣтѣ, разнообразно круглились сѣро-зеленыя и темно-зеленыя верхушки сада, на которыя такъ странно было глядѣть сверху. Ихъ осыпали оживленнымъ трескомъ воробьи, онѣ, внутри тѣни-

стыя, сверху стеклянно блестяли подь солнцемъ, а я глядѣлъ и думалъ: для чего это? Должно быть, для того только, что это очень хорошо. За садомъ и за полями, простиравшимися за нимъ, на самомъ горизонтѣ, синѣло, подобно далекому лѣсу, Батурино, и тамъ неизвѣстно зачѣмъ уже восемьдесятъ лѣтъ жила въ своей старосвѣтской усадьбѣ, въ домѣ съ высочайшей крышей и цвѣтными стеклами, бабушка, мать матери. Лѣвѣе все сіяло въ солнечной ныли; тамъ, за лугами, были Новоселки, то есть лозины, огороды, скудныя мужицкія гумна и рядъ жалкихъ избъ вдоль длинной, всегда пустой улицы... Зачѣмъ существовали тамъ куры, телята, собаки, водовозки, пуньки, пузатые младенцы, зубастыя бабы, красивыя дѣвки, лохматые и скучные мужики? И зачѣмъ уходилъ туда почти каждый день къ Сашкѣ братъ Николай? Только зачѣмъ, что ему было почему-то пріятно видѣть ея ласковое и скромное лицо, милый круглый вырѣзь бѣлой миткалевой рубашки вокругъ шеи, длинный станъ и босыя ноги... Этотъ вырѣзь и миѣ нравился и тоже возбуждалъ нѣсколько томящее, неразрѣшимое чувство: хотѣлось что-то съ нимъ сдѣлать, но было непонятно, что именно и зачѣмъ?

Да, въ тѣ дни больше всего плѣняла таившаяся на чердакѣ сабля. Но нѣтъ-нѣтъ вспоминалась и Сашка, къ которой я однажды, когда она какъ-то пришла въ усадьбу и, стоя съ опущенной головой у крыльца, что-то робко говорила матери, вдругъ испыталъ что-то особенно сладостное и томящее: первый проблескъ самаго непонятнаго и самаго плѣнительнаго изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ...

XIV.

Донъ-Кихоть, по которому я учился читать, картинки въ этой книгѣ и рассказы Баскакова о рыцарскихъ временахъ совсѣмъ свели меня съ ума. У меня не выходили изъ головы замки, зубчатыя стѣны и башни, подъемные мосты, латы, забрала, мечи и самострѣлы, битвы и турни-

ры. Мечтая о роковомъ, какъ первое причастіе, ударѣ палашомъ по плечу колѣнопреклоненнаго юноши съ распущенными волосами, я чувствовалъ, какъ у меня мурашки бѣгутъ по тѣлу. Въ письмахъ Алексѣя Толстого есть такія строки: «Какъ въ Вартбургѣ хорошо! Тамъ даже есть инструменты 12 вѣка. И какъ у тебя бьется сердце въ азіатскомъ мірѣ, такъ у меня забилося и запрыгало сердце въ этомъ рыцарскомъ мірѣ, и я знаю, что я прежде къ нему принадлежалъ». Думаю, что и я когда-то принадлежалъ. Я посѣтилъ на своемъ вѣку чуть-ли не всѣ самые славныя замки Европы и, бродя по нимъ, не разъ дивился: какъ могъ я, будучи ребенкомъ, мало чѣмъ отличавшимся отъ любого мальчишки изъ Выселокъ, какъ я могъ, глядя на книжныя картинки и слушая полонимаго сивгальца, курившаго махорку, такъ вѣрно чувствовать древнюю жизнь этихъ замковъ и такъ точно рисовать себѣ ихъ? Да, я когда-то къ этому міру принадлежалъ. И даже былъ пламеннымъ католикомъ. Ни Аѳинскій Акрополь, ни Баальбекъ, ни Фивы, ни Пестумъ, ни святая Софія, ни старыя церкви въ русскихъ Кремляхъ и до нынѣ несравнимы для меня съ готическими соборами. Какъ потрясъ меня органъ, когда я впервые (въ юношескіе годы) вошелъ въ костель, хотя это былъ всего на всего костель въ Витебскѣ! Миѣ показалось тогда, что нѣтъ на землѣ болѣе дивныхъ звуковъ, чѣмъ эти грозные, скрежещущіе раскаты, гулъ и громы, среди которыхъ и наперекоръ которымъ вопіютъ и ликуютъ въ разверстыхъ небесахъ ангельскіе гласы...

А за Донъ-Кихотомъ и рыцарскими замками постѣдовали моря, фрегаты, Робинзонъ, міръ оксанскій, троническій. Ужъ къ этому то міру и несомнѣнно нѣкогда принадлежалъ Картинки въ Робинзонѣ и во «Всемирномъ путешественникѣ», а вмѣстѣ съ ними большая пожелтѣвшая карта земного шара съ великими пустотами южныхъ морей и точками полинезійскихъ острововъ плѣнили меня уже на всю жизнь. Эти узкія пироги, нагѣ люди съ луками и дроти-

ками, кокосовые лѣса, лопасти громадныхъ листьевъ и первобытная хижина подъ ними — все чувствовалъ я такимъ знакомымъ, близкимъ, словно только что покинулъ я эту хижину, только вчера сидѣлъ возлѣ нея въ райской тишинѣ соннаго послѣполуденнаго часа, полнаго тропическаго блеска и недвижнаго зноя. Какія сладкія и яркія видѣнья и какую настоящую тоску по родинѣ пережилъ я надъ этими картинками! Пьеръ Лоти рассказываетъ о томъ «волнующемъ и чудодѣйственномъ», что заключалось для него въ дѣтствѣ въ словѣ «колоніи». Но вѣдь онъ говоритъ: «Il y avait une quantité de choses des colonies chez cette petite Antoinette: un perroquet, des oiseaux de toutes couleurs dans une volière, des collections de coquilles et d'insectes. Dans les tiroirs de sa maman, j'avais vu de bizarres colliers de graines pour parfumer; dans les greniers on trouvait des peaux de bêtes, des sacs singuliers, des caisses sur lesquelles se lisaient encore des adresses de villes des Antilles . . . » А что же подобное могло быть въ Каменкѣ?

Въ книгѣ «Земля и люди», отпечатанной на плотной розовой бумагѣ, были картинки въ краскахъ, очень цвѣтистыя и вполне дубочныя, несомнѣнно. Помню особенно двѣ: на одной была финиковая пальма, верблюдъ и египетская пирамида, на другой — пальма кокосовая, тонкая и очень высокая, косою скать очень длиннаго пятнистаго жираффа, тянувшася своею женственной косоглазой головкой, своимъ тонкимъ, жалоподобнымъ языкомъ къ ея перистой верхушкѣ — и весь сжавшійся въ комокъ, летящій въ воздухъ прямо на шею жираффу гривастый левъ. Все это — и верблюдъ, и финиковая пальма, и пирамида, и жираффъ подъ пальмой кокосовой, и левъ — было на фонѣ двухъ рѣзко бьющихъ въ глаза красокъ: необыкновенно яркой, густой и ровной небесной сини и ярко-желтыхъ песковъ. И, Боже, сколько сухого зноя, сколько солнца не только видѣлъ, но и всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ я, глядя на эту синь и эту охру, замирая отъ какой-

то истинно эдемской радости! Въ тамбовскомъ полѣ, подъ тамбовскимъ небомъ надъ лубочной книжкой, съ такой необыкновенной силой вспомнилъ я все, что я видѣлъ, чѣмъ жилъ когда-то, въ своихъ прежнихъ, незапамятныхъ существованьяхъ, что впоследствии, въ Египтѣ, въ Нубіи, мнѣ оставалось только говорить себѣ: да, да, все это именно такъ, какъ я впервые «вспомнилъ» тридцать лѣтъ тому назадъ!

Была у насъ въ домѣ и еще одна книга съ картинками въ краскахъ — русскія сказки. Но терема, палаты, кремль съ маковками многочисленныхъ церквей, красавицы въ кокошникахъ, миловидные добрые молодцы въ кафтанахъ со стоячими воротами, въ желтыхъ и зеленыхъ сапожкахъ съ загнутыми носками и могучіе, бородатые богатыри въ шишакахъ и кольчугахъ меня мало трогали. Не потому-ли, что зналъ я втайнѣ, что все это Русь наполовину выдуманная, не подлинная? Другое дѣло — міръ чисто сказочный: черный дремучій лѣсъ въ нѣкоторомъ царствѣ, дикая избушка на курьихъ ножкахъ, островъ Буянъ въ кольцѣ синяго моря и вѣковой зеленый дубъ на немъ, Царь-Дѣвица въ небесной лазури на коврѣ-самолетѣ... Это говорило о вѣчномъ, о неизмѣнно-прекрасномъ, отвѣчало важнѣйшимъ требованьямъ души и оставляло въ ней неизгладимые слѣды.

XV.

Пушкинъ, нѣкоторые стихи котораго говорила намъ съ Олей мать, поразилъ меня своимъ колдовскимъ прологомъ къ «Руслану»:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ...

Казалось бы, какой пустякъ — нѣсколько хорошихъ, пусть даже прекрасныхъ, на рѣдкость прекрасныхъ стиховъ! А межъ тѣмъ они отравили меня на весь вѣкъ, вошли

во все мое существо, стали одной изъ высшихъ радостей, пережитыхъ мной на землѣ. Казалось бы, какой вздоръ — какое-то никогда и нигдѣ не существовавшее лукоморье, какой-то «ученый» котъ, ни съ того ни съ сего очутившійся на немъ и зачѣмъ то прикованный къ дубу, какой-то лѣшій, русалки и «на невѣдомыхъ дорожкахъ слѣды невиданныхъ звѣрей». Но очевидно, въ томъ-то и дѣло, что вздоръ, пьяный вымыселъ, нѣчто крайне нелѣпое, небывалое, а не что-нибудь разумное, подлинное; въ томъ-то и сила, что и надъ самимъ стихотворцемъ колдовала кто-то неразумный, хмельной и «ученый» въ хмельномъ дѣлѣ: чего стоитъ одна эта ворожба кругообразныхъ, непрестанныхъ движеній («и днемъ и ночью котъ ученый все ходитъ по цѣпи кругомъ») и эти «невѣдомыя» дорожки, и «слѣды невиданныхъ звѣрей», — только слѣды, а не самыя звѣри! — и это «о зарѣ», а не на зарѣ, та простота, точность, яркость начала (лукоморье, зеленый дубъ, золотая цѣпь) а потомъ — сонъ, навожденье, многообразіе, путаница, что-то плывущее и мѣняющееся, подобно раннимъ утреннимъ туманамъ и облакамъ какой-то заповѣдной сѣверной страны, дремучихъ лѣсовъ у лукоморья, уже совсѣмъ волшебнаго:

Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны,
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать рыцарей прекрасныхъ
Чредой изъ волнъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской...

Мать знала наизусть и порой говорила намъ съ Олей цѣлыя страницы пушкинскихъ стиховъ, произнося ихъ нѣвуче и мечтательно, на старомодный ладъ, съ милой, слегка томной улыбкой на устахъ. Чаще всего, — вѣрно, всегда вспоминая при этомъ свои институтскіе годы, — она декламировала «Руслана». Но поразила меня, повторяю,

только «Прологъ» къ нему. И то же было и съ Гоголемъ, котораго такъ хорошо, горячо, хотя и театрално немного, читаль мнѣ Баскаковъ: необыкновенное впечатлѣнье произвели на меня «Старосвѣтскіе помѣщики», «Страшная мѣсть», «Тарась Бульба». Но опять таки лишь нѣкоторыми своими мѣстами да своимъ общимъ высокимъ складомъ и смысломъ. Какія это незабвенныя мѣста! Какъ дивно звучать онѣ для меня и до сихъ поръ, съ дѣтства войдя въ меня безъ возврата, сдѣлавшись для меня дорогими на всю жизнь, оказавшись въ числѣ того самаго важнаго, изъ чего образовался мой, какъ выражался Гоголь, «жизненный составъ»! Эти поющія двери, этотъ «прекрасный» лѣтній дождь, который «роскошно» шумитъ по саду, эти дикіе коты, обитавшіе за садомъ въ лѣсу, гдѣ «старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатыя лапы голубей...» Когда я перечитываю теперь Гоголя, я, конечно, восторгаюсь имъ, но истинно оживаю я только на этихъ завѣтныхъ строкахъ: до поры до времени все звучитъ прекрасно, только какъ бы подъ сурдинку; но вотъ я дохожу до того, что вошло въ мою душу когда-то — и все сразу мѣняется: какъ будто я отпустилъ педаль, и вдругъ все запѣло, зазвучало совсемъ по иному:

«Шумитъ, гремитъ конецъ Кіева: есаулъ Горобецъ празднуетъ свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ есаулу въ гости...»

«Пріѣхалъ и названный братъ есаула, Данило Бурульбаничъ, съ другого берега Днѣпра, съ молодою женой Катериною и съ головнымъ сыномъ. Дивились гости бѣлому лицу лани Катерины, волосымъ, какъ нѣмецкій бархатъ, бровямъ, сапогамъ съ серебряными подковами, но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ...»

И дальше:

«Тихо свѣтитъ по всему миру то мѣсяць показался изъ-за горы. Будто дамасскя звѣздой, какъ снѣгъ, кисеею по-

крыль онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще дальѣе въ чашу сосенъ . . . Посреди Днѣпра плыль дубъ. Сидятъ впереди два хлопца: черныя козацкія шапки на-бекрень, и подъ веслами, какъ будто отъ огнива огонь, летятъ брызги во всѣ стороны . . . »

А вотъ Катерина тихо говоритъ съ мужемъ, вытирая платкомъ лицо спящаго на ея рукахъ ребенка: «на томъ платкѣ были вышиты краснымъ шелкомъ листья и ягоды» (тѣ самыя, что я вижу, помню и люблю всю жизнь!). Вотъ она «замолчала, потуливши очи въ сонную воду; а вѣтеръ дергалъ воду рябью, и весь Днѣпръ серебрился, какъ волчья шерсть среди ночи . . . »

Опять дивлюсь: какъ могъ я тогда, въ Каменкѣ, такъ разительно точно видѣть, вызывать въ своемъ воображеніи всѣ эти картины? Я ихъ видѣлъ совершенно такъ же, какъ видѣлъ стѣны своей дѣтской! И не странно ли, что съ тѣхъ поръ, не взирая на то, что я видѣлъ потомъ Днѣпръ при лунѣ сотни разъ воочию, уже ни одна черта не измѣнилась въ нихъ? Вообще, какъ уже различала, угадывала моя дѣтская душа, что хорошо, что дурно, что лучше и что хуже, что нужно и что не нужно ей! Къ одному я былъ холоденъ и забывчивъ, другое ловилъ съ радостью, со страстью, навсегда запоминая, закрѣпляя за собой, — и чаще всего дѣйствовалъ при этомъ съ удивительной вѣрностью чутья и вкуса. Многіе вкусы и способности измѣнились у меня съ тѣхъ поръ, многіе развились, и, конечно, это вполне естественно. Но какъ объяснить, что многіе другіе остались совершенно такими-же, какъ были въ дѣтствѣ, что они и тогда обладали той же силой, что и теперь? Очевидно, мы и не представляемъ себѣ, до какой степени все таки мало мѣняемся мы отъ рожденья до могилы . . .

«Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломенная кровля: то дѣдовскіе хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного козака . . . »

Да, вотъ это было мнѣ нужно!

«Хуторъ пана Данила между двумя горами въ узкой долинѣ, сбѣгающей къ Дяѣпру. Небвысокіе у него хоромы; хата на видѣ, какъ у простыхъ козаковъ, и въ ней одна свѣтлица . . . Вокругъ стѣнъ, вверху, идутъ дубовыя полки. Густо на нихъ стоятъ миски, горшки для трапезы. Есть межъ ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные въ золото, дарственные и добытыя на войнѣ. Ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, конья . . . Подъ стѣною, внизу, дубовыя гладко вытесанныя лавки; возлѣ нихъ, передъ лежанкою, виситъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо привинченное къ потолку, люлька. Во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило, на лежанкѣ старая прислужница; въ люлкѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу покотомъ ночуютъ молодцы . . . »

Всѣ ужасы, пагроможденные въ этомъ геніальномъ сказѣ, даже не коснулись моей души въ дѣтствѣ. А вотъ эта хата . . . А потомъ — эпилогъ:

«За пана Степана, князя Семиградскаго, жило два козака: Иванъ да Петро . . . »

«Страшная мѣсть» пробудила въ моей душѣ то высокое чувство, которое вложено въ каждую душу и будетъ жить вовѣки, — чувство священнѣйшей законности возмездія, священнѣйшей необходимости конечнаго торжества добра надъ зломъ и предѣльной беспощадности, съ которой въ свой срокъ зло карается. Это чувство есть несомнѣнная жажда Бога, есть вѣра въ него. Въ минуту осуществленья Его торжества и Его праведной кары оно повергаетъ человѣка въ сладкій ужасъ и трепеть и разрѣшается бурей восторга какъ бы злораднаго, который есть на самомъ дѣлѣ взрыѣ нашей высшей любви и къ Богу, и къ ближнему . . .

XVI.

Такъ начались мои школьные годы, когда особенно напряженно жилъ я не той подлинной жизнью, что окружала меня, а той, въ которую она для меня преображалась, больше же всего вымышленной.

Подлинная жизнь была очень бѣдна и проста.

Я родился и росъ, повторяю, совсѣмъ въ чистомъ полѣ, котораго даже и представить себѣ не можетъ европейскій человѣкъ, выросшій во Франціи, въ Германіи, въ Италиі, на берегу океана или Средиземнаго моря, въ Альпахъ или Пиренсеяхъ, и которое даже и мнѣ самому кажется необыкновенно страннымъ теперь, послѣ всего пережитаго мной за полвѣка моей безконечно-разнообразной жизни, не оставившей мнѣ отъ прежняго ровно ничего, настолько ничего, что даже удивительно и страшно порой. Правда, великій просторъ, безъ всякихъ преградъ и границъ, окружалъ меня: гдѣ въ самомъ дѣлѣ кончалась наша усадьба и начиналось это безпредѣльное поле, съ которымъ сливалась она? Но въѣдъ все таки только поле да небо видѣлъ я, и представленія мои, — подлинныя, а не сказочныя, — о многолюдствѣ селеній и красотахъ природы далѣ Рождества не простирались.

Колоніи! Я зналъ только «колониальную» лавку рождественскаго мѣщанина Баева. Для меня все колониальное заключалось въ корицѣ, которой сдабривали на Страстной пасху, да въ черныхъ блестящихъ рожкахъ, приторный вкусъ которыхъ я узналъ, побывавъ въ Рождествѣ на ярмаркѣ, да въ ярлыкахъ (хересь, мадера) на бутылкахъ въ тонкихъ проволочныхъ сѣткахъ, которыми я забавлялся, растягивая ихъ такъ и этакъ, и которыхъ опять стало появляться въ нашемъ домѣ все больше и больше, потому что отецъ опять сталъ запивать все чаще и чаще. Въ Рождествѣ же видѣлъ я и высшую роскошь: въ церкви. Для глаза, привыкшаго только къ хлѣбамъ, тра-

вамъ, проселкамъ, дегтярнымъ телѣгамъ, курнымъ избамъ, лаптямъ, посконнымъ рубахамъ, для уха, привыкшаго къ тишинѣ, къ пѣню жаворонковъ, къ писку цыплятъ, къ кудахтанью куръ, глубокой куполь съ грознымъ сѣдовласымъ Саваоѳомъ, простершимъ длани надъ сиреневыми клубами облаковъ и надъ своими волнистыми, вѣющими ризами, золотой иконостасъ, образа въ золотыхъ окладахъ, жарко пылающія свѣтлымъ, золотымъ костромъ, косо и обильно наставленные передъ Праздникомъ и другъ друга растопляющія тонкія восковыя свѣчи, громкое и нестройное пѣнье дьячка и пономаря, ризы священника и дьякона, возгласы и чтенія на языкѣ возвышенномъ и не совсѣмъ понятномъ, поклоны и кажденья ладонемъ, его прыный дымъ, густо восходящій изъ кадила, ловко взлетающаго вверхъ и бряцающаго серебряными цѣпочками — все казалось царственнымъ, пышнымъ, празднично и торжественно восхищало душу...

Росъ я, кромѣ того, среди крайняго дворянскаго оскудѣнія, котораго опять таки никогда не понять европейскому человѣку, чуждому русской страсти ко всяческому самоистребленію. Эта страсть была присуща не однимъ дворянамъ. Почему въ самомъ дѣлѣ влачилъ нищее существованіе русской мужикъ, все таки владѣвшій на великихъ просторахъ своихъ такимъ богатствомъ, которое и не снилось европейскому мужику, а свое бездѣлье, дрему, мечтательность и всякую неустроенность оправдывавшій только тѣмъ, что не хотѣли отнять для него лишнюю пядь земли отъ сосѣда помѣщика, и безъ того съ каждымъ годомъ все скудѣвшаго? Почему алчное купеческое стяжаніе то и дѣло прерывалось дикими размахами мотовства съ проклятіями этому стяжанію, съ горькими пьяными слезами о своемъ окаянствѣ и горячечными мечтами по своей собственной волѣ стать Ювомъ, бродягой, босякомъ, юродомъ? И почему вообще случилось то, что случилось съ Россіей, погибшей на нашихъ глазахъ въ такой волшебной краткой срокъ?

Среди моихъ родныхъ и близкихъ еще можно было понять одну нашу мать съ ея слезами, грустью, постами и молитвами, съ ея жаждой, — впрочемъ, ни чуть не бо- лѣзненной, — отрѣшенія отъ жизни: душа ея была въ не- преставномъ и высокомъ религіозномъ напряженіи, цар- ство Божіе она полагала не отъ міра сего и вѣрила всѣмъ существомъ своимъ, что милая, недолгая и печальная зем- ная жизнь есть только приуготовленіе къ иной, вѣчной и блаженной. А всѣ прочіе, то есть наши безупутные сосѣди, родственники, отецъ, Баскаковъ? Что сдѣлалъ съ своей жизнью Баскаковъ, и уже говорилъ. А что дѣлалъ надъ со- бой, надъ своимъ благосостояніемъ нашъ живой, сильный, благородный, великодушный, но безпечный, какъ пти- ца небесная, отецъ? А мы сами, юные наслѣдники преж- ней славы арсеньевского рода и жалкихъ остатковъ его прошлаго богатства? Братъ Николай ради Сашки и преле- стей деревенскаго бездѣлья бросилъ гимназію, хозяйст- вомъ не интересовался настолько, что наврядъ зналъ точ- но, сколько у насъ десятинъ земли. Братъ Георгій всѣ свои дни проводилъ за чтеніемъ Лавровыхъ и Чернышевскихъ. А съ какими задатками росъ я, можно судить по слѣдую- щему: сталъ однажды Николай рисовать мнѣ мое буду- щее, — ну, что жъ, сказалъ онъ, подшучивая, мы, конеч- но, уже разорены, и ты поступишь, когда подрастешь, ку- да-нибудь на почту въ городѣ, будешь служить, женишь- ся, заведешь дѣтей, кое-что накопишь, купишь домикъ, ко- рову, — и я вдругъ такъ живо почувствовалъ весь ужасъ и всю низость подобнаго будущаго, что горько разрыдал- ся...

XVII.

Послѣдній годъ нашей жизни въ Каменкѣ мнѣ очень па- мятенъ.

Начать съ того, что я перенесъ первую тяжелую бо- лѣзнь, иначе говоря, впервые узналъ то удивительное, что

привыкли называть просто болѣзнью и что есть на самомъ дѣлѣ незавершенная смерть, безумное и никогда даромъ не проходящее путешествіе въ нѣкіе погусторонние предѣлы. Заболѣлъ я поздней осенью. Что-же было со мной? Я испыталъ внезапное ослабленіе всѣхъ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, чудодѣйственную перемѣну, совершающуюся въ такіе часы во всѣхъ пяти человѣческихъ чувствахъ, — въ зрѣніи, вкусѣ, слухѣ, обоняніи, осязаніи; испыталъ неожиданную потерю желанія жить, то есть двигаться, пить, ѣсть, радоваться, печалиться и даже кого бы то ни было, не исключая самыхъ дорогихъ сердцу, любить; испыталъ переходъ въ какую то совсѣмъ особую сферу, гдѣ съ особой, какъ бы даже противоестественной силой потрясаетъ тѣло несказанный жаръ и знобъ, а затѣмъ — цѣлые дни и ночи какъ-бы несуществованія, иногда только прерываемаго бредомъ, снами, видѣніями, чаще всего безобразными, нелѣпо-сложными, какъ-бы сосредоточившимися въ себѣ всю тѣлесную грубость міра, которая, въ распадѣ, въ яростномъ бореніи съ самой собой, гибнетъ среди чего-то горячечнаго, пламеннаго (несомнѣнно, послужившаго для человѣческихъ представленій объ адскихъ мукахъ). Ахъ, какъ помню я эти безконечныя ночи, когда я уже сталъ одолевать смерть, а мои схватки съ нею все еще длились, когда я дѣлалъ отчаянныя попытки коснуться все еще ускользавшей отъ меня жизни — и порою видѣлъ то мать въ образѣ бѣлаго громаднаго призрака, то, вмѣсто спальни, темный и мрачный овиень, гдѣ, отъ свѣчи, поставленной на полъ за изголовье кровати, неслись и дрожали въ огненныхъ волнахъ тысячи отвратныхъ фигуръ, лицъ, звѣрей, растений! И какой неземной ясностью, тишиной, кроткой радостью, умиленіемъ долго полна была моя душа послѣ того, какъ я вернулся изъ этого снисхожденія во адъ на землю, въ ея простую, милую и уже знакомую юдоль! Почему то въ это время я съ особеннымъ наслажденіемъ ѣлъ черный хлѣбъ, одинъ залахъ котораго приводилъ меня въ восторгъ и который,

по деревенской простотѣ и слабости, давали мнѣ почти безъ отказа . . .

Затѣмъ умерла Надя — мѣсяца черезъ два послѣ моей болѣзни, послѣ Святокъ. Святки эти прошли для меня какъ то странно весело. Отецъ пилъ, и каждый день съ утра до вечера шло у насъ разливанное море, домъ былъ полонъ гостей, мелкопомѣстныхъ сосѣдей въ венгеркахъ и поддевкахъ, и меня, — я хорошо это помню, — не покидало чувство счастья, которое какъ-то вызывающе соединялось съ звуками фортепьяно, на которомъ сумасшедшая тетя Варя, гостившая у насъ, барабанила безъ отдыха. Мать плакала, говорила, что теперь, когда отецъ опять запилъ, «все пропало», однако тоже была счастлива: высшей ея радостью всегда было то время, когда вся наша семья была въ сборѣ, то есть когда пріѣзжалъ на каникулы братъ Георгій, а онъ на Святки пріѣхалъ. Какъ вдругъ, среди всего этого веселаго безобразія, захворала Надя, передъ тѣмъ особенно бойко топавшая по всему дому крѣпкими ножками и всѣхъ восхищавшая своими синими глазками, криками и смѣхомъ. Шли дни, праздникъ кончился, гости схлынули, братъ уѣхалъ, а она все лежала въ забытьи, горѣла, и въ дѣтской было все то же: завѣшенные окна, полумракъ, свѣтъ лампадки . . . За что, именно ее, радость всего дома, избралъ Богъ? Весь домъ былъ угнетенъ, подавленъ, даже отецъ все только махалъ рукой, зачѣмъ-то стараясь лишить себя и всѣхъ окружающихъ всякой надежды, и все таки никто не чаялъ, что это томление такъ внезапно разрѣшится однажды позднимъ вечеромъ крикомъ няньки, вдругъ распахнувшей дверь въ столовую съ дикой вѣстью, что Надя кончается. Да, это потрясающее слово — «кончается» — раздалось для меня впервые позднимъ зимнимъ вечеромъ, въ глуши темныхъ снѣжныхъ полей, въ одинокой усадьбѣ, занесенной сугробами, — въ полной беззащитности. А ночью, когда улеглось сумасшедшее смятенье, на время охватившес послѣ того весь домъ, когда все пришло въ порядокъ (какой-то по-

вый, жуткій), я видѣлъ: въ залѣ на столѣ, въ лампадномъ могильномъ свѣтѣ, лежала недвижная нарядная кукла съ ничего не выражающимъ безкровнымъ личикомъ и неплотно закрытыми черными рѣсницами, въ которой уже было что-то церковное, священное... Болѣе страшной и волшебной ночи не было во всей моей жизни.

А весной умерла бабушка. Стояли чудесные майскіе дни, мать сидѣла возлѣ раскрытаго окна, въ черномъ платьѣ, худая, блѣдная, и что-то шила. Вдругъ изъ-за амбаровъ выскочилъ какой-то незнакомый мужикъ, верховой, и что-то ей весело крикнулъ. Мать широко раскрыла глаза и съ легкимъ и какъ будто тоже радостнымъ восклицаньемъ ударила по подоконнику ладонью... Жизнь усадьбы опять была внезапно и рѣзко нарушена. Опять всюду поднялась какая-то особая суматоха, — увы, уже знакомая мнѣ, — работники кинулись запрягать лошадей, мать и отецъ — одѣваться... Насъ, дѣтей, они, слава Богу, съ собой не взяли...

XVIII.

Эта смерть уже не произвела на меня страшнаго впечатлѣнія: я къ этой веснѣ уже крѣпко переболѣлъ смертью. Я тогда оправлялся отъ второго тяжкаго недуга, — того, которымъ сразила меня Надя и который не то закалилъ, не то переломилъ мою душу.

Смерть Нади, первая, которую я видѣлъ воочию, надолго лишила меня чувства жизни, — жизни, которую я только что узналъ! Я вдругъ понялъ, что и я смертенъ, что и со мной каждую минуту можетъ случиться то дикое, ужасное, что случилось съ Надей, и что вообще все земное, все живое, вещественное, тѣлесное очень ненадежно, непременно подлежитъ гибели, тлѣнью, той лиловой чернотѣ, которой покрылись губки Нади къ выносу ея изъ дома. И моя устрешенная и какъ будто чѣмъ то глубоко опозоренная, оскорбленная душа устре-

милась за помощью, за спасеньемъ къ Богу. Вскорѣ всѣ мои помыслы и чувства перешли въ одно — въ тайную мольбу къ Нему, въ непрестанную безмолвную просьбу пощадить меня, указать путь изъ той смертной сѣни, которая простерлась надо мной и вокругъ меня во всемъ мірѣ. Но Богъ молчалъ; за него говорилъ тотъ скорбный и единственно спасительный опытъ, который познало человечество на своихъ земныхъ путяхъ и который узаконили и освятили мудрѣйшіе изъ насъ, — угодники Божіи: имъ Богъ нѣкогда отвѣчалъ, имъ Онъ открывался, ихъ Онъ, за умертвленіе плоти, за отказъ отъ всего тѣлеснаго міра, за безраздѣльную любовь только къ Нему одному, наставилъ до конца, возлюбилъ и успокоилъ въ вѣчномъ и блаженномъ лонѣ Своемъ, совершенно чуждомъ міру и во всемъ ему противоположномъ. Мать на моихъ глазахъ шла за ними, — страстно молилась день и ночь, просила «спаси и помилуй, не лиши Царствія Небеснаго», обращаясь и непосредственно къ самому Богу, и къ ихъ помощи, къ ихъ заступничеству и предстательству. Нянька, видя мое томленье, указывала мнѣ то же убѣжище:

— Поусерднѣй надо Богу молиться, дѣточка. Какъ же святые-то, угодники-то молились, постились, мучили себя, чтобы Богъ имъ помогъ! О Наденькѣ грѣхъ плакать, за нее радоваться надо, — говорила она, плача: — она теперь въ раю, съ ангелами...

И вотъ я вступилъ еще въ одинъ новый для меня и дивный міръ: сталъ жадно, безъ конца читать копеечныя житія святыхъ и мучениковъ, которыя сталъ привозить мнѣ изъ города сапожникъ Павелъ изъ Выселокъ, часто ѣздившій въ городъ за товаромъ для своего ремесла. Странно, — во всѣхъ избахъ у мужиковъ въ Выселкахъ было сухо, тепло и, не смотря ни на что, уютно, пріятно; у одного Павла было скучно, безконечно скучно, — вѣчно сидѣлъ онъ у своего окошечка съ тусклымъ свинцовымъ блескомъ на изможденномъ, зелено-желтомъ лицѣ, въ грязномъ суровомъ фартукѣ, согнувшись и раздергивая драгву надъ

перевернутымъ вверхъ сапогомъ безъ подошвы, свѣсивъ къ нему свои желтыя маслянистыя кудри; у одного Павла пахло не только кожей и кислымъ клеємъ, но и сыростью, плѣсенью. Такъ навѣки и соединился у меня запахъ плѣсени съ тѣми тоненькими, крупнымъ шрифтомъ напечатанными книжечками, что я читалъ и пересчитывалъ съ такимъ болѣзненнымъ умилениемъ. Этотъ запахъ сталъ даже навсегда дорогимъ мнѣ, живо напоминающимъ ту странную зиму: мои полубезумныя, восторженно-горькія мечты о мученіяхъ первыхъ христіанъ, объ отроковицахъ, растерзанныхъ дикими звѣрями на какихъ то ристалищахъ, о царскихъ дочеряхъ, чистыхъ и прекрасныхъ, какъ Божьи лиліи, и обезглавленныхъ отъ руки собственныхъ лютыхъ родителей, о знойныхъ, безмолвныхъ пустыняхъ, гдѣ, прикрывая свою наготу лишь собственными власами, отросшими до земли, обитали, замаливая свой блудъ въ міру, Марія Египетская, старецъ Герасимъ и гдѣ львы когтями изрывали имъ могилы по ихъ пречистой кончинѣ, о кіевскихъ нещерахъ, гдѣ почиютъ сонмы страстотерпцевъ, ради Господа заживо погребавшихъ себя въ нихъ для слезъ и непрестанныхъ молитвенныхъ трудовъ въ подземномъ мракѣ, полномъ по ночамъ всякихъ ужасовъ, искушеній и надругательствъ отъ дьявола . . . Я жилъ только внутреннимъ созерцаньемъ этихъ картинъ и образовъ, отрѣшился отъ жизни дома, замкнулся въ своемъ сказочно-святомъ мірѣ, упиваясь своими скорбными радостями, жаждой страданій, самоизнуренія, самоистязанія. Я ходилъ по дому какъ лунатикъ, никого и ничего не видя, не склоняясь ни на какіе уговоры и увѣщанія, даже материнскіе. Я уже зналъ: вѣдь и всѣхъ святыхъ въ ихъ отрочествѣ тоже всегда со слезами и упреками увѣщали ихъ «престарѣлые и благочестивые» родители. Я пламенно надѣялся быть нѣкогда сопричисленнымъ къ лику мучениковъ и выстаивалъ цѣлыя часы на колѣняхъ, тайкомъ заходя въ пустыя комнаты, связалъ себѣ изъ веревочныхъ обрывковъ нѣчто

вродѣ власяницы, шилъ только воду, ѣлъ только черный хлѣбъ...

И длилось это всю зиму. А къ веснѣ стало понемногу отходить и наконецъ совсѣмъ отошло — какъ то само собой, даже не помню, какъ именно. Пошли солнечные мартовскіе дни, стало пригрѣвать двойныя стекла, по которымъ поползли ожившія мухи, — трудно было не развлекаться ими среди «земныхъ метаній» и колѣнопреклоненій, уже не дававшихъ прежнихъ, полныхъ и искреннихъ молитвенныхъ восторговъ! Насталъ апрѣль, и въ одинъ особенно солнечный день стали выдирать, съ трескомъ вынимать сверкающія на солнцѣ зимнія рамы, наполняя весь домъ оживленьемъ, беспорядкомъ, всюду соря сухой замазкой и паклей, а затѣмъ распахнули лѣтнія стекла на волю, на свободу, навстрѣчу новой, молодой жизни, и въ комнатахъ запахло свѣжимъ и нѣжнымъ полевымъ воздухомъ, землей, ея мягкой сыростью, послышался важный и томный крикъ уже давно притетѣвшихъ грачей... Стали по вечерамъ причудливо громоздиться на аломъ, тихо и долго гаснущемъ западѣ синія весеннія тучи, стали заводить свои дремотныя, мечтательныя и успокоительныя трели лягушки на пруду въ полѣ, въ медленно густѣющей весенней темнотѣ, общающей ночью благодатный, теплый дождь... И опять, опять ласково и настойчиво потянула меня въ свои материнскія объятія вѣчно (и не по своей, видно, волѣ) обманывающая насъ земля...

Помню, день, когда умерла бабушка, этотъ долгій день въ опустѣвшей усадьбѣ, былъ тихъ, печаленъ, мы съ Олей все глядѣли въ сторону Батурина, — тамъ все какъ то нехорошо измѣнилось, пріобрѣло что-то молчаливое и зловѣщее, — но помню и то, что вмѣстѣ съ печалью, тяжестью были въ душѣ и другія чувства: уже пріобрѣтенная мною за зиму и, вѣрно, неизбѣжная, единственно спасительная для человѣка покорность. Я, помню, все хотѣлъ представить себѣ то подлинное, что было теперь тамъ, въ Батуринѣ, а душа противилась, хотѣла претворенья дѣй-

ствительности во что-то другое, хотѣла какого-то умиротворяющаго обмана, и, противъ моей воли, въ ней пѣвуче звучало:

«Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестомъ, дали въ руки восковую свѣчу — Афанасій Ивановичъ на все глядѣлъ безчувственно. Множество народа пріѣхало на похороны: длинные столы разставлены были по двору; кутя, наливки, пироги покрывали ихъ кучами. Гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него, но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу понесли наконецъ, народъ повалилъ слѣдомъ... Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли...»

Да, жаворонки кротко пѣли, младенцы бессмысленно плакали, столъ ломился отъ яствъ для жадной трапезы послѣ похоронъ, и Афанасій Ивановичъ глядѣлъ «безчувственно и странно»... Жизнь продолжалась, и онъ «странно» глядѣлъ вокругъ себя. Не понималъ ни жизни, ни этой смерти, ни вообще того, что творится въ мірѣ?

Не понималъ и я, ничего не понималъ — и покорно клонилъ голову...

КІХ.

А три мѣсяца спустя я уже носилъ синій картузикъ съ серебрянымъ значкомъ на околышѣ. Просто Алеши не сгало, — теперь былъ Арсеньевъ Алексѣй, ученикъ перваго параллельнаго класса такой-то мужской гимназіи.

Къ лѣту отъ тѣлесныхъ и душевныхъ болѣзней, пережитыхъ мной зимою, какъ будто не осталось и слѣда. Мало того — никогда еще, кажется, не чувствовалъ я себя лучше и крѣпче, чѣмъ теперь; кромѣ того, я очень возмужалъ, то есть, говоря точнѣе, совсѣмъ вышелъ изъ дѣтства: сужу такъ потому, что хорошо помню ту уже почти

совсѣмъ обычную человѣческую сознательность, которой ознаменовалось для меня это лѣто совсѣмъ въ иной, гораздо болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ прежде. И мнѣ было хорошо, спокойно и весело — вполне подстать и веселой сухой погодѣ, которая держалась въ томъ году все лѣто, и легкому настроенью, которое царило во всемъ нашемъ домѣ. Надя уже превратилась — даже и для матери и няньки — только въ прекрасное воспоминанье, въ представленье о младенчески-ангельскомъ образѣ, который пребываетъ и радуется гдѣ-то тамъ, въ вѣчной небесной обители; мать и нянька еще тосковали, часто говорили о ней, но уже какъ-то по иному, чѣмъ прежде, — иногда даже съ улыбками, — онѣ, случалось, и плакали, но опять таки не прежними безнадежно-горькими слезами. Что до бабушки, то она просто забылась; даже болѣе: ея смерть была одной изъ причинъ (сокровенной, конечно,) легкаго настроенья нашего дома: во первыхъ, Батурино принадлежало теперь намъ, что очень поправляло наши дѣла, а, вторыхъ, осенью предстояло наше переселенье туда, которое втайнѣ тоже всѣхъ радовало, какъ всегда радуется человѣка перемѣна обстановки, связанная съ надеждой на что-то хорошее или, можетъ быть просто съ бессознательными воспоминаньями давняго былого, кочевыхъ временъ.

Отецъ былъ оживленъ, конечно, всѣхъ болѣе. Онъ вѣдь былъ всѣхъ бодрѣе и всѣхъ воспримчивѣе на все пріятное. И его радовало многое: и то, что онъ опять пересталъ пить, и то, что стоитъ хорошая погода, — это на него всегда очень дѣйствовало, — и то, что надо переѣзжать въ новое имѣнье, то есть какъ бы начинать новую жизнь. Радовало его, разумѣется, и наслѣдство бабушки, хотя и очень по своему; его, натуру, весь вѣкъ жаждавшую всяческаго саморазоренья, то есть освобожденья себя отъ всякихъ житейскихъ тягостей и обязательствъ, оно радовало прежде всего надеждой на новое мотовство. Онъ былъ, повторяю, особенно веселъ, безпеченъ, добродушенъ и милъ въ это

лѣто. А такъ какъ его настроенье всегда очень живо передавалось всему дому, мнѣ же больше всѣхъ, то я чувствовалъ себя вдвойнѣ хорошо.

По рассказамъ матери, мнѣ переданнымъ нянькой, я нарисовалъ себѣ уже подлинную, а не выдуманную картину того, что было въ Батуричѣ, когда мать съ отцомъ такъ послѣдно прискакали туда: майскій день, уютный дворъ, окруженный старинными службами, старинный деревянный домъ съ деревянными колоннами на двухъ крыльцахъ, за домомъ зеленѣющей во всемъ своемъ майскомъ богатствѣ старинный садъ, темно-синія и багряныя верхнія стекла въ окнахъ зала — и подъ ними, на двухъ сдвинутыхъ столахъ, устланныхъ подъ простыней сѣномъ и косякомъ упирающихся въ главный уголъ, аккуратно лежитъ маленькая блѣдная старушка въ бѣломъ чепцѣ съ зубчиками, со сложенными на груди прозрачными ручками, по поясъ прикрытая серебряной парчей, а вокругъ нея желтыми языками горятъ огромныя свѣчи въ церковныхъ подсвѣчникахъ, а у изголовья стоитъ «черничка», очень опрятная пожилая отроковица, и, не поднимая длинныхъ рѣсницъ, однообразно читаетъ наставительнымъ, высокимъ и страннымъ голосомъ, который отецъ съ непріязненной усмѣшкой называлъ серафическимъ... Это слово часто вспоминалось мнѣ лѣтомъ, и я смутно чувствовалъ то жуткое, чарующее и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то непріятное, что заключалось въ немъ. Непріятна была и вся картина, рисовавшаяся мнѣ. Но уже только непріятна — не болѣе. И эта непріятность съ излишкомъ возмѣщалась пріятной, хотя и грѣховной, то и дѣло приходившей въ голову мыслью, что теперь прекрасная бабушкина усадьба стала наша, что это туда пріѣду я въ первый разъ на каникулы, — уже, Богъ дастъ, второклассникомъ, — и отецъ выберетъ изъ бывшихъ бабушкиныхъ лошадей и подаритъ мнѣ верховую кобылку, самую рѣзвую, но и самую смирную, которая такъ полюбитъ меня, что будетъ прибѣгать ко мнѣ куда угодно, только я свистну ей.

Было, конечно, не мало и другого, что было неприятно: предчувствіе тяжелой разлуки съ матерью; съ Олей, съ Баскаковымъ и со всѣмъ роднымъ гнѣздомъ, страхъ передъ одинокой, неизвѣстной жизнью у какихъ-то чужихъ, городскихъ людей, страхъ передъ тѣмъ, что называется какой-то гимназіей съ ея строгими и безпощадными учителями въ мундирахъ... Но спасало то, что спасаетъ всегда и всѣхъ,—присущая не только дѣтскому, но и всякому возрасту безпечность, недодумыванье того тяжелого или ужаснаго, что должно быть или уже есть и чему до послѣдней возможности отказываешься вѣрить. То и дѣло сжималось сердце при взглядѣ на мать и Баскакова, у которыхъ, конечно, тоже сжималось сердце при видѣ меня, но сейчасъ же я съ радостью говорилъ себѣ: все это еще такъ не скоро! - и съ радостью обращался къ тому пріятному, заманчивому, что вѣдь тоже таилось въ моемъ будущемъ: я буду гимназистъ, буду ходить въ формѣ, буду жить въ городѣ, у меня будутъ товарищи, изъ которыхъ я выберу себѣ вѣрнаго друга... Новая, неизвѣстная жизнь, конечно, страшна, но вѣдь сколько въ ней прелести! Больше всего меня ободрялъ и обольщалъ картинами этой новой жизни братъ Георгій, казавшійся мнѣ совсѣмъ необыкновеннымъ существомъ: былъ онъ тогда удивительно красивъ своей юношеской худобой и свѣжестью, чистотой высокаго лба, лучистыми глазами, темнымъ румянцемъ на щекахъ и былъ онъ уже не кто нибудь, а студентъ Императорскаго Московскаго Университета, съ золотой медалью кончившій ту самую гимназію, въ которую вотъ-вотъ до меня придетъ я поступить.

Шестого августа меня повезли наконецъ — на экзамены. Когда послышался подъ крыльцомъ шумъ тарантаса, у матери, у няньки, у Баскакова измѣнились лица, Оля заплакала, отецъ и братья переглянулись съ неловкими улыбками. «Ну, присядемъ», рѣшительно сказалъ отецъ, и всѣ несмѣло сѣли. «Ну, съ Богомъ», черезъ мгновеніе еще рѣшительнѣе сказалъ онъ, и всѣ сразу закрести-

лись и встали. У меня отъ страха ослабѣли ноги, и я закрестился такъ усердно и торопливо, что мать со слезами кинулась цѣловать и крестить меня. Но я уже оправился — пока она, плача, цѣловала и крестила меня, я уже думалъ: «А можетъ, Богъ дастъ, я еще и не выдержу . . . »

Но—я выдержалъ. Три года готовили меня къ этому знаменательному дню, а меня только заставили помножить пятьдесятъ пять на тридцать, рассказать, кто такіе были Амаликитяне, попросили «четко и красиво» написать: «снѣгъ бѣлъ, но не вкусенъ» да прочесть наизусть: «Румяной зарею покрылся востокъ . . . » Тутъ мнѣ даже кончить не дази: едва я дошелъ до пробужденья стать «на мѣткихъ лугахъ», какъ меня остановили, — вѣрно, учителю (рыжему, въ золотыхъ очкахъ и съ широко открытыми ноздрями) слишкомъ хорошо было извѣстно это пробужденье, и онъ поспѣшно сказалъ:

— Ну, прекрасно, — довольно, довольно, вижу, что знаешь . . .

Да, братъ былъ правъ: въ самомъ дѣлѣ «ничего особенно страшнаго» не оказалось. Все вышло гораздо проще, чѣмъ я ожидалъ, разрѣшилось съ неожиданной быстротой, легкостью, незначительностью. А межъ тѣмъ вѣдь какую дѣйствительно важную черту жизни перешагнулъ я!

Сказочная дорога въ городъ, въ которомъ я не былъ со времени моего перваго знаменитаго путешествія, самый городъ, столь волшебный нѣкогда, — все было теперь уже совсѣмъ не то, что прежде, ничѣмъ не очаровало меня. Гостиницу возлѣ Михаила Архангела я нашелъ довольно невзрачной, — одинъ Богъ знаетъ, откуда взялась у меня такая опытность, — трехъэтажное зданіе гимназіи за высокою оградой, въ глубинѣ большого мощенаго двора, я принялъ какъ нѣчто уже знакомое, хотя никогда еще въ жизни не входилъ я въ такой огромный, чистый и гулкій домъ. Не удивительны, не очень страшны оказались и учителя во фракахъ съ золотыми пуговицами, то огненно-рыжіе, то дегтярно-черные, но одинаково крупные, пухлоли-

ций батюшка въ лиловой шелковой рясе, съ ладья пахнувшей и ладаномъ и табачнымъ дымомъ, и даже самъ директоръ, похожій на гіену...

Послѣ экзамена намъ съ отцемъ тотчасъ же сказали, что я принять и что мнѣ дается отпускъ до перваго сентября. У отца точно гора съ плечъ свалилась, — только потому, конечно, что онъ страшно соскучился молча сидѣть въ «учительской», гдѣ испытывали мои знанія, — у меня же еще болѣе. Все вышло отлично: и выдержалъ, и цѣлыхъ три недѣли свободы вперед! Казалось бы, ужаснуться долженъ былъ я, съ рожденья до сей минуты пользовавшийся полнѣйшей свободой и вдругъ ставшій рабски несвободнымъ, отпущенный на свободу только на три недѣли, а я и это принялъ какъ должное и почувствовалъ только одно: слава Богу, цѣлыхъ три недѣли! — точно этимъ тремъ недѣлямъ и конца не предвидѣлось. И оба возбужденные, съ необыкновенной легкостью въ душѣ и тѣлѣ, мы вышли изъ воротъ гимназіи и быстро пошли по тротуару, наступая на коричневую, сожженную солнцемъ, пріятно шуршащую листву, которой онъ былъ усѣянъ.

— Ну-съ, зайдемъ теперь поскорѣй къ портному — и обѣдать! — весело сказала отецъ, съ особымъ удовольствіемъ закуривая толстую папиросу.

И мы зашли къ какому-го маленькому, короткономому человѣчку, удивившему меня быстротой рѣчи съ вопросительными и какъ будто немного обиженными оттяжками въ концѣ каждой фразы и той ловкостью, съ которой онъ снималъ съ меня мѣрку, потомъ въ «шапочное заведеніе», гдѣ были пыльные окна, нагрѣваемые городскимъ солнцемъ, было душно и тѣсно отъ безчисленныхъ шляпныхъ коробокъ, всюду наваленныхъ въ такомъ безпорядкѣ, что хозяинъ мучительно долго рылся въ нихъ и все что-то сердито кричалъ на непонятномъ языкѣ въ другую комнату, какой-то женщиной съ пригорно-бѣлымъ и гонимымъ лицомъ. Это былъ гоже еврей, но совсѣмъ въ другомъ родѣ: старикъ съ крупными пейсами, въ длинномъ сюрту-

кѣ изъ чернаго люстрина, въ люстриновой шапочкѣ, сдвинутой на затылокъ, большой, толстый въ груди и подъ мышками, сумрачный, недовольный, съ огромной и черной, какъ сажа, бородой, росшей отъ самыхъ глазъ, --- въ общемъ нѣчто даже страшное, траурное. И это онъ выбралъ мнѣ наконецъ превосходный синій картузикъ, на околышѣ котораго ярко бѣлѣли двѣ серебряныхъ вѣточки. Въ этомъ картузикѣ я и домой вернулся, — на радость всѣмъ и даже матери, на радость очень мнѣ теперь непонятную, ибо совершенно справедливо не разъ говорилъ отецъ:

— И на чорта ему эти Амаликитяне?

XX.

Какъ-то въ концѣ августа отецъ надѣлъ длинные сапоги, подпоясаясь поясомъ съ патронами, перекинулъ черезъ плечо ягтанъ, снялъ со стѣны двустволку, кликнулъ меня, потомъ свою любимицу, каштановую красавицу Джальму, и мы пошли по жнивьямъ вдоль дороги на прудъ за перенелами

Отецъ былъ въ одной нестренькой косовороткѣ и въ бѣломъ картузѣ, я, несмотря на жаркую, сухую погоду, конечно, въ своемъ гимназическомъ, который все еще приятно волновалъ меня. Отецъ, рослый, сильный, легко шелъ своимъ твердымъ шагомъ впереди, шурша по желтой щеткѣ жнивья и пуская черезъ плечо дымъ паниросы, я послѣдовалъ сзади, держась правой стороны, какъ полагается по правиламъ охоты, соблюдать которыя мнѣ доставляло большое удовольствіе. Онъ поощрительно, подмигивая, посвистывалъ, и Джальма со сдержанной горячностью, съ радостно-напряженнымъ вниманіемъ, мелко и часто мотая, дрожа тугимъ хвостомъ, вся превратясь въ слухъ, зрѣніе и чутье, быстрымъ, извилистымъ поискомъ тянула передъ нами. Поля были уже пусты, просторны, но еще по лѣтнему свѣтлы и веселы. Горячій вѣтерокъ то совсѣмъ упавалъ, — и тогда припекало, слышно было, какъ горячо

сипятъ, часиками стучать, куютъ кузнечики, — то дуль мягкимъ сухимъ зносмъ, усиливался, летѣлъ мимо насъ и вдругъ игриво взвивалъ по наѣзженной за рабочую пору дорогѣ облачко пыли, подхватывалъ, крутилъ ее и винтомъ, воронкой лихо уносилъ впередъ. Мы однако больше всего сѣдрили за Джальмой, однообразно и поспѣшно уходящей отъ насъ, и она незамѣтно уводила насъ за собой все дальше и дальше. Время отъ времени она вдругъ замирала, вся подавшись впередъ, и, поднявъ правую лапу, впивалась глазами въ то, невидимое намъ, что было передъ нею. Отецъ негромко ровнялъ: «пиль!» — она кидалась на это невидимое и тотчасъ же — ффрр! — тяжело и неловко (отъ жиру) вырывался изъ-подъ нея крупный кургузый перепелъ и, не успѣвъ пролетѣть и пяти шаговъ, комомъ падаль опять въ жнивье подъ выстрѣломъ. Я бѣжалъ, подбиралъ его, клалъ отцу въ ягташъ, и мы продолжали путь.

Такъ прошли мы все ржаное поле, потомъ картофельное, миновали глинистый прудъ, жарко и скучно блестящей своей удлиненной поверхностью вправо отъ насъ, въ лощинѣ среди голыхъ, выбитыхъ скотиной косогоровъ. На нихъ кос-гдѣ какъ то безпріютно, на юру, въ раздумьи, сидѣли грачи. Тутъ отецъ поглядѣлъ и сказалъ, что вотъ уже и грачи по осеннему стали собираться на совѣты, подумывать на счетъ отлета, и меня на минуту опять охватило чувство глубокой тоски, близкой разлуки не только съ уходящимъ лѣтомъ, но и со всѣми этими полями, со всѣмъ, что было мнѣ такъ дорого и близко во всемъ этомъ глухомъ и миломъ краю, кромѣ котораго я еще ничего не видалъ на свѣтѣ, въ этой тихой обители, гдѣ такъ мирно и одиноко цвѣло мое никому въ мѣрѣ невѣдомое и никому ненужное младенчество, дѣтство . . .

Потомъ мы взяли лѣвѣе, пошли на Заказъ, по межамъ среди необозримой черной пашни, которую скородили. Это было все еще наше поле, и одну борону влекъ по сухимъ комьямъ сухого сѣрватаго чернозема гнѣдой стри-

гунь, когда-то, еще тонконогимъ сосуномъ, у котораго еще шелковисто кудрявилась рѣпка хвоста, подаренный мнѣ, а теперь безсовѣстно, безъ спросу, безъ моего разрѣшенія, уже пущенный въ работу. Дулъ жаркій вѣтерокъ, надъ пашней блестяло августовское солнце, еще какъ будто лѣтнее, но уже какое-то безцѣльное, а стригунъ, уже очень выросшій, высокій, — хотя высокій еще какъ-то странно, по мальчишески, — покорно шелъ по пашнѣ, таща веревочныя постромки, и за нимъ виляла, прыгала рѣшетка бороны, разбивавшая землю косыми желѣзными клевцами, и, неумѣло держа веревочныя вожжи въ обѣихъ рукахъ, ковылялъ подростокъ въ лаптяхъ. И я долго смотрѣлъ на эту картину, опять чувствуя непонятную грусть...

Заказъ былъ довольно большой полевой лѣсъ, принадлежавшій полусумасшедшему помѣщику, который одиноко и враждебно всему міру, точно въ крѣпости, сидѣлъ въ своей усадьбѣ возлѣ Рождества, охраняемой свирѣпыми овчарками, вѣчно судился съ рождественскими и новосельскими мужиками, никогда не сходилъ съ ними въ цѣнахъ на работу, такъ что нерѣдко случалось, что у него оставались цѣлые косяки хлѣбовъ некошенными или до глубокой осени гнили въ полѣ, а потомъ гибли подъ снѣгомъ тысячи копенъ. Такъ было и теперь. Мы шли къ Заказу по некошеннымъ желтымъ овсамъ, перепутаннымъ и истоптаннымъ скотиной, полеглимъ на землю. Тутъ Джальма подняла еще нѣсколько перепеловъ; я опять бѣгала, поднимала ихъ и мы опять шли дальше, обходя Заказъ по густому просянному полю, шелковисто блестявшему подъ солнцемъ своими коричневыми склоненными къ землѣ кистями, полными зерна, которыя особенно сухо и звонко, бисеромъ, шумѣли подъ нашими ногами. Отецъ разстегнулъ воротъ, покраснѣлся, — ужасная жара и ужасно пить хочется, пойдѣмъ черезъ лѣсъ, на прудъ, сказала онъ. И, перепрыгнувъ черезъ канаву, которая отдѣляла поле отъ лѣсной опушки, мы пошли по лѣсу, вошли въ его августов-

ское, свѣтлое, легкое, уже кое-гдѣ желтѣющее, веселое и прелестное царство.

Птиць было уже мало, — одни дрозды стаями, съ веселымъ, притворно-яростнымъ взвизгиваньемъ и сытымъ квохташемъ, перелетали то тамъ, то сямъ; въ лѣсу было пусто, просторно, лѣсъ былъ не частый, далеко видный насквозь, солнечный. Мы шли то подъ старыми березами, то по широкимъ полянамъ, на которыхъ вольно и свободно стояли могучіе вѣтвистые дубы, уже далеко не такіе темные, какъ лѣтомъ, съ порѣдѣвшей и подсохшей листвою. Мы шли въ ихъ нестрой тѣни, дыша ихъ сухимъ ароматомъ, по скользкой, сухой травѣ и глядѣли впередъ, гдѣ жарко сіяли болѣе открытыя поляны, а за ними канареечно желтѣла и тренетала небольшая чаща молодой кленовой поросли. Когда мы вошли на тропинку, пролежавшую среди этой чащи къ пруду, изъ подсѣда, изъ лапчатыхъ орѣшниковъ, вдругъ съ трескомъ вырвался почти изъ-подъ ногъ у насъ старый золотисто-рыжій вальдшнепъ. Отецъ былъ такъ пораженъ столь раннимъ гостемъ, что даже растерялся, — выстрѣлилъ, разумѣется, мгновенно, но промахнулся. Подивившись, откуда могъ взяться въ такую пору вальдшнепъ, и подосадовавъ на промахъ, онъ подошелъ къ пруду, положилъ ружье, присѣлъ на корячки и сталъ горстями пить. Потомъ, съ удовольствіемъ отдуваясь и вытирая рукавомъ губы, легъ на берегу и закурилъ. Вода въ прудѣ была чистая, прозрачная, особенная лѣсная вода, какъ есть вообще нѣчто особенное въ этихъ одинокихъ лѣсныхъ прудахъ, почти никогда никѣмъ, кромѣ птицы и звѣря, не посѣщаемыхъ. Въ ея свѣтлой бездонности, похожей на какое-то зачарованное небо, спокойно отражались, тонули верхушки окружавшаго ее березоваго и дубоваго лѣса, по которому съ легкимъ лепетомъ и шорохомъ тянулъ вѣтеръ съ поля. И подъ этотъ шорохъ, лежа съ подставленной подъ голову рукой, отецъ закрылъ глаза и задремалъ. Джальма тоже напилась въ прудѣ, потомъ бухнулась въ него, немножко

проплыла, осторожно держа голову надъ водой съ повисшими, какъ лопухи, ушами, и, внезапно повернувъ назадъ, какъ бы испугавшись глубины, быстро выскочила на берегъ и крѣпко встряхнулась, осыпавъ насъ брызгами. Теперь, высунувъ длинный красный языкъ, она сидѣла возлѣ отца, то вопросительно посматривая на меня, то нетерпѣливо оглядываясь по сторонамъ . . . Я всталъ и безцѣльно побрелъ среди деревьевъ въ ту сторону, откуда мы подходили къ лѣсу по овсяному полю . . .

XXI.

Тамъ, за опушкой, за стволами, изъ-подъ лиственного навѣса, сухо блестя и желтъя полевой просторъ, откуда тянуло лаской, тепломъ, свѣтомъ, счастьемъ послѣднихъ лѣтнихъ дней. Вправо отъ меня всплывало изъ-за деревьевъ, неправильно и чудесно круглилось на синевѣ, медленно текло и мѣнялось неизвѣстно откуда взявшееся большое бѣлое облако. Пройдя нѣсколько шаговъ, я тоже легъ на землю, на сучки и скользкую траву, среди разбросанныхъ, какъ бы гуляющихъ вокругъ меня свѣтлыхъ, солнечныхъ деревьевъ, въ легкой тѣни двухъ сросшихся березъ, двухъ бѣлоствольныхъ сестеръ въ сѣровой мелкой листвѣ съ сережками, тоже подставилъ руку подъ голову и сталъ смотрѣть то въ поле, сіявшее и ярко желтѣвшее за стволами, то на это облако. Мягко тянуло съ поля сушью, зноемъ, свѣтлый лѣсъ трепеталъ, струился, слышался его дремотный, какъ будто куда-то бѣгущій шумъ. Этотъ шумъ иногда возрасталъ, усиливался, и тогда сѣчатая тѣнь пестрѣла, двигалась, солнечныя пятна вспыхивали, сверкали и на землѣ и въ деревьяхъ, вѣтви которыхъ гнулись и свѣтло раскрывались, показывая небо . . .

Что я думалъ, если это только были думы? Я думалъ, конечно, о близкомъ отъѣздѣ въ городъ, о гимназiи, объ удивительныхъ людяхъ, которыхъ я видѣлъ въ ней, которые назывались учителями и принадлежали какъ-бы къ

какой-то совсѣмъ особой породѣ людей, все назначенье которыхъ — учить и держать учениковъ въ вѣчномъ страхѣ, и меня опять охватывалъ недоумѣнный ужасъ, зачѣмъ везутъ меня въ рабство къ нимъ, разлучаютъ съ роднымъ домомъ, съ Каменкой, съ этимъ веселымъ лосевымъ лѣсомъ, и поражала мысль, что все таки этому быть не миновать и что не только я, но и всѣ принимаютъ эту нелѣпость, какъ нѣчто неизбежное, и въ сущности не ужасаются: то есть ужасаются вотъ какъ я — только на минуту, а тамъ опять тотчасъ-же успокаиваются. Потому я думалъ о стригунѣ, котораго я видѣлъ въ боронѣ на пашнѣ. Я смутно думалъ приблизительно такъ: да, вотъ какъ все обманчиво на свѣтѣ, — я воображалъ, что стригунъ мой, а имъ распорядились, не спросясь меня, какъ своей собственностью, — и мысль эта на мгновенье возмущала меня, возбуждала чувство стыда, обиды: ну, хорошо же! — мысленно говорилъ я кому-то угрожающе, чувствуя однако свое полное безсиліе какъ нибудь осуществить свою угрозу, -- и думалъ дальше: да, вотъ былъ тонконогій мышастый жеребенокъ, трепетный, пугливый, какъ всѣ жеребята, но и радостный, довѣрчивый, съ ясными черносливными глазами, привязанный только къ матери, всегда со сдержаннымъ удовольствіемъ и лаской ржавшей при видѣ его, во всемъ же прочемъ безконечно вольный, беззаботный... этого жеребенка мнѣ въ одинъ счастливый день подарили, навсегда отдали въ мое полное распоряженіе, и я радовался на него нѣкоторое время, мечталъ о немъ, о нашемъ съ нимъ будущемъ, о близости, которая не только будетъ, но уже образовалась между нами оттого что мнѣ его подарили, а потомъ сталъ понемногу забывать о немъ — и мудрено-ли, что и всѣ забыли, что онъ мой? Я вѣдь въ концѣ концовъ совсѣмъ забылъ о немъ, -- вотъ какъ забуду я, вѣрно, и Баскакова, и Олю, и даже, можетъ быть, отца, котораго я сейчасъ такъ люблю, съ которымъ такое счастье ходить на охоту, да забуду и всю Каменку, гдѣ мнѣ знакомъ и дорогъ каждый уголокъ... И прошло два

года, — точно ихъ и не бывало никогда! — и гдѣ онъ теперь, этотъ глупый и беспечный жеребенокъ? Есть трехлѣтокъ, стригунъ — и гдѣ его прежняя воля и свобода? Вотъ онъ уже ходитъ въ хомутѣ по пашнѣ, таскаетъ за собой борону — и это уже навсегда: навсегда прощай теперь его воля! И развѣ не случилось и со мной того же, что съ этимъ жеребенкомъ?

Послѣдняго я, конечно, не могъ думать такъ точно. Но я хорошо помню ту грусть, съ которой я думалъ о жеребенкѣ и порой любовался своимъ новенькимъ темносинимъ картузикомъ съ вѣточками изъ бѣлаго серебра на околышѣ...

На что мнѣ были Амаликитяне? Я то и дѣло ужасался и дивился, но что жъ я могъ? Облако изъ-за березъ блистало, бѣлѣло, все мѣняя свои очертанья... Могло-ли оно не мѣняться? Свѣтлый лѣсъ струился, трепеталъ, съ дремотнымъ лепетомъ и шорохомъ убѣгалъ куда-то... Куда, зачѣмъ? И можно-ли было остановить его? И я закрывалъ глаза и смутно чувствовалъ: все сонъ, непонятный сонъ! И городъ, который гдѣ-то тамъ, сзади, за лѣсомъ, за далекими полями, и въ которомъ мнѣ бытъ не миновать, и мое будущее въ немъ, и мое прошлое въ Каменкѣ, и этотъ свѣтлый предъосенній день, уже склоняющійся къ вечеру, и я самъ, и мои мысли, мечты, чувства — все сонъ! Грустный-ли, тяжелый-ли? Нѣтъ, все таки пока счастливый и легкій. Вотъ когда-то, на порогѣ дѣтства, преслѣдовало меня нѣкоторое время одно сновидѣнiе: съ безконечной тоской, съ несказанной безнадежностью, съ ужасной болѣзненной подлинностью видѣлъ я безграничное, сверху и снизу и во всѣ стороны пустое пространство и въ немъ, гдѣ-то вдали, вправо отъ меня — кругъ уже краснѣющаго предзакатнаго солнца, чистаго, яснаго, но невыразимо печальнаго, которое, какъ я зналъ, никогда не могло зайти, и видѣлъ вмѣстѣ со всѣмъ этимъ самого себя: одинъ, совершенно одинъ во всей этой довременной пустотѣ, въ незакатномъ, мертвомъ блескѣ этого солнца, я

долженъ былъ крѣпко держать во рту и держалъ, сжималъ все крѣпче каменную рыбу... Этотъ сонъ былъ тѣмъ страшнѣе, что я и во снѣ зналъ, что я вижу сонъ, какой-то вѣщій и вѣчный сонъ. Нянька говорила, что это пустяки, — это у васъ, Алешенька, новые зубки рѣжутся, — но я послѣ него все таки весь день ходилъ самъ не свой, мнѣ все казалось, что онъ все еще длится, чувствуется во всемъ мирѣ, что я все еще въ немъ, въ этомъ снѣ, — и меня томила такая отчаянная тоска, которой, вѣрно, не будетъ даже и за гробомъ... Да, вотъ это былъ сонъ, а теперь...

И, какъ бы подтверждая мое отрадное чувство, что теперь все таки совсѣмъ не то, что прежде, въ томъ непонятномъ снѣ общей, человѣческой жизни, въ которую я вступилъ уже безъ возврата, за мной вдругъ тяжело бухнулъ и по всему лѣсу, гремящимъ кольцомъ охватывая его, раскатился выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ послышался особенно яростный взвизгъ и квохтъ, видимо, огромной стаей взлетѣвшихъ дроздовъ и бѣшено-радостный лай Джальмы: стрѣлялъ проснувшійся отецъ. И, сразу забывъ всѣ свои думы, я со всѣхъ ногъ кинулся къ нему — подбирать убитыхъ, окровавленныхъ и еще теплыхъ, сладко пахнувшихъ дичью и порохомъ дроздовъ.

Ив. Бунинъ.